

Ольга Нацаренус

Кровь молчащая

СОДЕРЖИТ
НЕЦЕНЗУРНУЮ
БРАНЬ

18+

Ольга Нацаренус
Кровь молчащая

«ЛитРес: Самиздат»

2020

Нацаренус О. В.

Кровь молчащая / О. В. Нацаренус — «ЛитРес: Самиздат», 2020

ISBN 978-5-532-04339-8

«Кровь молчащая» – роман, в основу которого легла историческая правда о судьбах российских немцев. Повествование проходит сквозь глубокое исследование природы главного героя, который пытается обрести собственное отношение к происходящему в его жизни, прикоснуться к тайнам своего рода. В фокусе событий XX века оказывается Октябрьская революция, лагеря Колымы, блокадный Ленинград, оккупированная фашистами Ялта. Книга увлекает особым ритмом подачи литературного материала – язык прозы и поэзии чередуется с дневниковыми заметками, письмами и архивными документами. Содержит нецензурную брань.

ISBN 978-5-532-04339-8

© Нацаренус О. В., 2020
© ЛитРес: Самиздат, 2020

Содержание

Часть I	5
Часть II	39
Конец ознакомительного фрагмента.	50

Ольга Нацаренус

Кровь молчащая

Часть I

Эскизы гвоздей. Обретение ноши

1909 год. Поволжье, Саратов

Полдень. Метель по городу. На углу Царёвской улицы у парадного входа в двухэтажный деревянный особняк прогуливается невысокий молодой мужчина. Одной рукой он то и дело поправляет на плечах наспех наброшенный полушубок из овчины, другой – аккуратно стряхивает с дрожащей папиросы пепел себе под ноги. Нескончаемый поток крупных пушистых снежинок ложится на рано поседевшие виски и усы. Совсем тихо что-то шепчут замёрзшие губы. Взгляд больших голубых глаз прикован к окну на втором этаже...

Александр Меерхольц. Этот субботний день стал для него особенным, одним из главных в его жизни. Беспокойство, страх, нежность, сомнения – всё нелепым образом перемешалось в его распахнутой душе и начало терзать неумоимо, безжалостно, незнакомо прежде. Там, на втором этаже, вот уже более суток испытывает мучительную боль и страдания в родах Женечка – его милая, любимая супруга.

Двери парадного внезапно распахиваются и выпускают на улицу громкий волнительный крик домработницы Серафимы. Совсем ещё детское лицо её светится широкой радушной улыбкой, а руки смешно взлетают навстречу Александру Петровичу, словно раскидывая весть о только что происшедшем: «Случилось, хозяин! Случилось! Мальчик!»

Брошена недокуренная папироса, полушубок падает в снег, грохот каблуков добротных кожаных сапог нарушает холодную тишину старой деревянной лестницы. В ней двадцать одна ступень, не более и не менее. Они посчитаны Меерхольцем тысячу раз: и в прохладные утренние часы знойного лета, по пути на службу в юридическую контору Полубояринова. И в поздние морозные вечера, когда, возвращаясь уставшим, но спокойным и счастливым, он с каждым своим шагом приближался к двери в своё тёплое уютное жилище.

Вбежав в спальню, Александр Петрович немедленно бросается на колени перед просторной дубовой кроватью и начинает отчаянно целовать свою супругу. За всё время отпущенных Всевышним мучений она не произвела ни одного крика, позволяя себе лишь еле слышно стонать и крепко сжимать искусанные до крови губы. Влажные от пота волосы разбросаны по подушке, длинные пальцы теребят небольшой кружевной платок. Евгения тяжело дышит, она заметно ослаблена. Её очаровательное лицо кажется совсем белым. Но, как и прежде, она строга и невозмутима в своих суждениях:

– Оставьте, оставьте это телячье, Александр!

И Александр послушно поднимается с колен, подбегает к акушерке, большим мягким полотенцем обтирающей новорожденного, и восторженно восклицает:

– Боже мой, Женечка! Боже мой! Это же настоящее чудо! Посмотрите, посмотрите, как прекрасен мой сын! Ах, какая же Вы у меня славная, Женечка! Какая же сильная!

Евгения медленно усаживается в постели, осторожно опираясь на дрожащие локти:

– Не следует придавать физиологическим процессам романтический оттенок, Александр. Лишнее это... Лучше поспешите записать в нашу семейную книгу, в Штаммбук, только что появившегося, Божьей милостью, наследника – продолжателя рода Меерхольц...

Доктор Штейнберг, стоя у наглухо зашторенного окна, с улыбкой наблюдает за происходящим, заведя длинные худые руки за спину. Через минуту он бросает взгляд на циферблат напольных часов, снимает белый халат, обнаружив под ним недорогой чёрный костюм, и даёт необходимые рекомендации роженице. Прощаясь, выходя из спальни Штейнберг оборачивается:

– Решили уже, каким именем сына нарекать будете?

Голос Евгении спокоен:

– Конечно. Его будут звать так, как моего уважаемого супруга, – Александр.

– Шурка, значит, – мать Александра Петровича Елизавета Иоганновна вытирает слёзы радости с морщинистых щёк и бережно принимает на руки младенца, завёрнутого в пелёнки, расшитые золотыми виноградными листьями...

А через несколько дней в метрической книге Сретенской церкви города Саратова за 1909 год появится актовая запись за номером семь о рождении 9 января² у саратовского мещанина Александра Петера Меерхольца и его жены Евгении Карловны сына Александра.

Семья Меерхольц происходила из потомков немцев, иммигрировавших в Поволжье в конце восемнадцатого века. В те времена в поисках лучшей жизни представители многих западно-европейских стран покидали свою Родину и устремлялись осваивать новые земли. Побуждением для эмиграции служили многие факторы: религиозные реформы, войны, нестабильность экономического климата, высокие налоги, нехватка земель для возделывания сельскохозяйственных культур. Приехав в Россию, впрочем, так это складывалось и в Америке, эти люди объединялись в группы, впоследствии называемые колониями. Так легче было жить. Вернее, как оказалось позже, выжить...

Германская культура и жизненный уклад колонистов, как правило, оставались неизменными в течение многих лет, несмотря на то что пришедшие со временем поколения успешно «получали в наследство» полную вовлечённость в жизнь принявшей их семьи, страны. Несмотря на постепенное затухание родства с Германией, великая этническая гордость и самосознание уникальности нации неизменно подчёркивались переселенцами и имели особую, ярко выраженную форму свободы. А свобода эта в начале долгого исторического пути в России объяснялась, прежде всего, позитивными политическими причинами, такими как изоляция колонистов в сельскохозяйственной системе, в религии и в культуре, которая, безусловно, превосходила на тот момент культуру славян.

Манифест Екатерины Второй «О позволении иностранцам, кроме жидов, выходить и селиться в России...», послуживший приглашением немцев к переселению, содержал в своём тексте многие и многие заманчивые обещания, начиная от оплаты расходов по поездке из Германии до пункта по распределению в Ораниенбауме, заканчивая освобождением от земельных налогов, военной службы и разрешением на строительство католических и лютеранских церквей. Приложением к данному Манифесту был регистр земель, которые Императрица открыла для поселений. Он включал в себя перечень обширных областей в районе Тобольска, в северо-западной Сибири, район Астрахани и территории вдоль реки Волги, выше и ниже Саратова. Российские правительственные агенты успешно распространяли переписанные и переведённые копии Манифеста в различных районах Германии, Голландии, Австрии и Пруссии. Также и в устной форме гарантировались замечательные условия для существования переселенцев, неограниченные возможности и льготы.

Специальные уполномоченные по делам переселенцев в России в своём отчёте Императрице о проделанной в Германии работе подчеркивали особенности характера немцев: честность, бережливость, незыблемые религиозные убеждения, прочная ориентированность на свои семьи, трудолюбие, строгость...

² По старому стилю.

Открыто пропагандировались предложения о переселении только в тех странах, где была не запрещена эмиграция. В иных же странах агенты действовали согласно инструкции, агитировали «тайно и с предостережением». Все желающие уехать в Россию заносятся в списки под номерами, с подробным определением степени их трудоспособности и родом занятий. Отказывали, как правило, старым, немощным и не имеющим семьи, а также тем, кто не мог показать документ об официальном увольнении от работодателя. Завербованные эмигранты организовано направлялись к морским портам через город Бюдинген в Любек и Росслау. Пастор Бюдингенской Евангелистской Лютеранской церкви, господин Вейс, писал в своём дневнике: «...каждый день я вижу караваны людей, проходящих через наш населённый пункт с намерением оставить Германию и уйти в Россию по тем или иным причинам. Невозможно постичь душой, почему люди делают это, почему веряют свои судьбы незнакомому иностранному государству. Бегущие надеются обрести счастье и найти лучшую землю, чем наша земля. В действительности они слушают мнение тех, кого совсем не знают, кто может оказаться обманщиком или жуликом. Среди отъезжающих совсем немного представителей знати – они из тех, кто разорён или выкинут на обочину жизни политическими интригами и грязными играми правящей верхушки Германии. Но есть и такая категория людей, принявших предложение русских, у которых практически ничего нет, которые не имеют уже ничего, что можно было бы потерять. Их жизнь уже не может стать ещё хуже, чем есть...»

Германия, город Бюдинген. Незабываемая средневековая архитектура возвышающегося в середине города замка Изенбургов, долгих семь сотен лет служившего родовым гнездом этого прославленного графского рода... Около замка – большая Евангелистская Лютеранская церковь, в которой не одна сотня молодых пар перед отъездом в Россию совершила обряд венчания. В честь этих событий в городе зародилась красивая традиция – недалеко от церкви новоявленные супруги должны были посадить саженец дуба...

Когда эмигрирующие достигали порта посадки на корабли, их помещали под охрану, несколько дней до отплытия ограничивавшую свободу перемещения, дабы предотвратить таким образом общение с теми, кто развивал ностальгические чувства, или с теми, кто мог бы отговорить их от предстоящего путешествия. Путешествия, которое для многих стало дорогой испытаний, разочарований и даже смерти...

Из письма лидера иммигрантов, Иоханнеса Билдингмайера, родственникам и друзьям в Германию: «...дорогие мои, преданные братья и сёстры в Господе нашем Иисусе Христе! Я должен описать вам подробности поездки, так как полагаю, что вы с нетерпением ждёте новостей от нас. Мы отплыли на пяти судах и провели в общей сложности, на море и на суше, в пути сто тридцать три дня. Это было сложное время для всех нас! Болезни, эпидемии холеры и сыпного тифа... Каждый день мы видели мучения наших соотечественников: лихорадка, рвота, стоны и боль. Мы заходили в порты и предавали чужой земле сотни умерших. Местные жители проявляли к нам жалость, давали еду и некоторые подарки нашим детям. Это вселяло в нас надежду и придавало сил. Вознесите хвалу Господу нашему, что болезни обошли нашу семью! К окончанию пути в Россию на судах не хватало уже более половины женщин и детей... За это время мне пришлось продать половину своего имущества, так как с семьи потребовали девять тысяч гульденов за транспортировку, что стало для нас полной неожиданностью. Также в пути мы испытали проблемы с едой и пресной водой...»

И только по прибытию в летнюю императорскую резиденцию, в Ораниенбаум, произнося клятву верности российской короне, многие колонисты осознали, что были безжалостно обмануты. За исключением нескольких семей, которым позволили остаться под Санкт-Петербургом, все остальные должны были отправиться в Нижнее Поволжье и, независимо от рода своих занятий и образования, стать земледельцами.

Перед отбытием из Ораниенбаума лидерам-руководителям групп переселенцев были выданы карточки на покупку необходимой одежды и различных принадлежностей для даль-

нейшего путешествия вглубь великой России. Каждому полагалось ежедневное довольствие на еду, называемое суточные (tagegelder), в размере одного гроша и шести пфеннигов.

Во время следования немцев в Саратов наступила зима. Некоторые из колонистов оставались зимовать в деревнях, попадавших на пути, другие же продолжали движение. В конце концов, после преодоления многих трудностей, холода, болезней первые из иммигрантов добрались до города Саратова, который в то время ненамного отличался от русской деревни.

Саратов был объявлен административной столицей области, отведённой для поселений иммигрантов. Этот район охватывал огромные просторы земли, лежащей на двух берегах Волги. Область на западе от реки стала известна как сторона гор, Bergseite, а область к востоку от реки – как сторона лугов, Wiesenseite. Первая входила в территориальный округ Саратова, а вторая – Самары.

Немец-колонист Филипп Вильгельм Ассмус позже написал в своих мемуарах: «...по прибытии на место нас всех ждало разочарование. Нас спустили вниз по Волге на плоской барже и высадили. Там мы обнаружили голую неводеланную степь без домов. Наше довольствие было сокращено наполовину. Нам дали муку, которую мы обязаны были экономить до первого урожая, когда наше довольствие должно было окончательно закончиться. Людям дали лошадей и скот, но не было ни сена, ни соломы... Нам пришлось копать себе землянки...»

Землянки первых поселенцев быстро сменились крепкими, хоть и маленькими деревянными постройками с соломенными крышами. Вскоре появились заборы, отделяющие двор каждого дома, который включал в себя летнюю кухню (так велика была боязнь пожара) и погреб.

Одна из первых и главных колоний была названа в честь императрицы – Катариненштадт, а ближайшая к ней – в честь наследника российского престола Павла Петровича – Паульская.

Особое внимание уделялось тем переселенцам, которые имея некоторый капитал предлагали строить в России фабрики и заводы с неизвестными до того производствами. Из ремесел же наиболее полезными признавались те, которые имели прямое отношение к земледелию и сельскому хозяйству.

Постепенно в колониях строились мельницы и расширялось мукомольное производство, появились плантации тутовых деревьев, был посеян табак и освоено производство пряжи...

Основной частью духовной жизни немецких колоний были школы, которые строились на местах поселения даже ранее, чем церкви. Колонисты сохранили структуру и форму немецкой народной школы, в которой учились и они сами, и когда-то их отцы. По своему характеру эта школа была конфессиональной, церковной, наиболее распространённой в германских княжествах со времён империи Карла Великого. Обязательным и самым близким руководителем школы был пастор, а содержалась она на средства общины, которая через своих представителей могла влиять на её внутренний порядок. К слову сказать, на тот период времени в России не существовало никакого образования для русских крестьян...

Годы конца девятнадцатого столетия стали для поволжских немцев наиболее страшными с момента основания поселений. Всю Россию охватил великий голод. В двадцати двух губерниях случился неурожай, и особенно значительным он был на Нижней Волге. Период великого голода спровоцировал сильнейший кризис и обрёл колонистов на чрезвычайно бедственное существование. Им приходилось питаться всем, что можно было найти более или менее съедобного, вплоть до собираемых по берегам кореньев. Тысячи несчастных вынуждены были начать попрошайничать и воровать еду. Многие семьи селились вместе, в одном доме, для экономии топлива, иные покидали своё хозяйство и уходили искать лучшей доли. Другие же трагически заканчивали свою жизнь...

Полная драматизма история поволжских немцев заложила основы их процветания в дальнейшем. Колонизационные мероприятия в Поволжье позволили России накопить богатый опыт массового поселения иностранцев, освоения окраин империи и всестороннего развития.

Ни одно европейское государство не знало прежде такого объёма строительных работ, таких высоких показателей в сельскохозяйственном и мукомольном производстве! Жесткая регламентация всех сторон жизни колонистов со стороны российского государства и одновременно проявление характерных черт, присущих менталитету германских народов, способствовали формированию в России своеобразной национальной группы – немцев Поволжья...

Семья Людвига Меерхольца, потомком которого являлся Александр Меерхольц, пришла в Россию с одной из поздних волн иммиграции. Германия не проявила материнской любви и заботы к этому уважаемому роду и, поставив на колени два его последних поколения, лишила полноценного существования.

По приезду в колонию Куттер от государства на подъём Людвигом было получено двадцать пять рублей, лошадь, узда, телега и восемь сажень веревки. Через год его хозяйство составляло уже две лошади, две коровы, и была распахана одна десятина земли.

1914 год, январь. Саратов

Пятый день рождения Шурки происходит особенно торжественно. На праздничный обед пожаловали дорогие семье гости – крёстные родители мальчика, саратовский мещанин, Владимир Семёнович Белопахов с супругой, скромной, очаровательной Анной Фёдоровной.

В гостиной ещё стоит рождественская ёлка, украшенная пряниками и конфетами в ярких обёртках. Под бордовой кружевной скатертью дремлет большой обеденный стол. Он держит на себе великое множество угощений, распространяющих по дому совершенно невероятные запахи: суп с капустой и чечевицей, заправленный маслом, тушёная в пиве свинина, галушки на выжарках из свиного сала, варёный «в мундирах» картофель, густая заливная лапша, а также горячие пирожки с мясом, морковью и тыквой, посыпанные затиркой из муки и сахара. Причудливой формы фарфоровый чайник важно выпускает из задиристого носика аромат свежесваренного степного напитка, который был бережно составлен Александром Петровичем из цвета липы, плодов шиповника и солодского корня. В стеклянной розовой пиале играет янтарь душистого мёда, а резную деревянную чашечку до краёв наполняет земляничное варенье.

Евгения Карловна сидит на широком, коричневого плюша диване. Мышиного цвета строгое платье, украшенное лишь скромной полосой белых кружев по воротнику, невероятно ей к лицу. На коленях Евгении располагается теперь уже самый младший в семье Меерхольц – Лев. Он изучает большую детскую книгу, то запихивая указательный пальчик в рот, то упорно тыча им в картинки:

– Ёшадь, мама, ёшадь!

Мама же, блаженно улыбаясь в ответ, тихо мурлычет:

– Лошадь, Лёвушка, лошадь. Умничка ты моя!.. Александр, какой Вы находите речь Вашего сына? Для двух с небольшим лет он говорит довольно достойно!

Александр Петрович подтверждающее кивает головой, хватает на руки пробегающего мимо него среднего сына, Ростислава, и несколько раз легко подкидывает его под потолок. Гостиная заполняется громким детским смехом и возгласами: «Давай, давай, папочка, ещё раз!»

Шура стоит у окна и, чуть отодвинув тяжёлую штору, внимательно смотрит сквозь летящий снег вниз, на проезжую дорогу. Там, похожий на медведя, неуклюжий дворник, замотанный толстым шерстяным платком поверх пальто, чистит снег, громко ругаясь на пробегающие мимо него авто и коляски, увлекаемые окутанными паром лошадьми. Шура худощав и выше положенного по годам, а выражение больших голубых глаз кажется слишком серьёзным. Бабушка Елизавета неслышно подходит и гладит его бритую голову, затем, крепко поцеловав в темечко, оборачивается на играющих:

– Сашенька, когда уже Серёжа наш подъедет? Поезд, поди, пришёл давно? За стол пора, остынет всё, да и Шурка, «клоп» наш, весь извёлся, от окна не отходит, ждёт.

Но ответ незамедлительно даёт Евгения. Она вскакивает с дивана и устраивается с Лёвочкой за праздничным столом:

– Вот что: этот ваш политизированный может и к ночи пожаловать! Обязательно по приезду в Саратов обойдёт всех своих дружков-бандитов, а потом уже и про нас вспомнит! Давайте уже кушать, праздновать!

Александр Петрович пытается робко возразить:

– Ну уж, Женечка, отчего Вы так, «бандитов»? Мой брат...

– Ваш брат, дорогой мой супруг, одержим идеей революции и оттого безумен! Он затянут этой всепожирающей Гидрой основательно, безраздельно. И не осталось для него по этой самой причине ничего святого в этом мире! Ничего! Он не сын и не брат нам. Он... Он – член партии большевиков с девятьсот четвёртого года!

Несмотря на суровое замечание Евгении Карловны, праздничный обед в дальнейшем проходит замечательно. Шуру осыпают поздравлениями, а долгожданные подарки заставляют трепетать маленькое взволнованное сердце. Александр Петрович много разговаривает со старшим сыном, даёт напутствия, изобилует пожеланиями. Шура заметно стесняется этого, плохо и медленно ест, опустив взгляд в тарелку, лишь изредка поглядывая на родителей и бабушку. Взрослые принимают за здоровье мальчика вишнёвую наливочку, шумно беседуют и по-доброму шутят. Ростислав, или, как называют его домашние, Ростик, в противоположность старшему брату, крайне разговорчив, подвижен и непослушен. Мать сердится на него и делает громкие замечания. Четырёхлетний Ростик не может смириться с тем, что Шурке сегодня оказано так много внимания, и поэтому спешит измазать его щёку вареньем да покрепче ущипнуть за ногу. Шурка терпеливо молчит, лишь маленькая слезинка капает на белую нарядную рубашечку. Через минуту он встаёт из-за стола, бежит в детскую комнату и возвращается оттуда с подаренной крёстным деревянной саблей. И вот – сабля протянута Ростiku:

– На, возьми, можешь поиграть, мне не жалко...

За окнами бесконечный снег, снег, ледяной ветер. Темнеет. Как завьюжит, закрутит, как завоюет по дымоходам печным! Где-то недалеко залаяли собаки. Громко так, злобно. В праздничной гостиной семьи Меерхольц словно по мановению волшебной палочки зажглись свечи. Разбужен старый кабинетный рояль – Евгения охотно демонстрирует послушность пальцев на клавишах и правильно поставленный голос. Дети расселись на большом шерстяном ковре, совсем недалеко от её ног, облачённых в бордовые атласные туфельки. Множество раскиданных игрушек уже не представляет интереса – всё внимание обращено сейчас на мать, на волшебство звука, извлекаемого ей из инструмента уверенно, сильно, но в то же время очень нежно и трепетно...

А за окнами 1914 год. И пройдёт совсем немного времени, и будет июль, когда кричащие газетчики разнесут по Саратову весть о начале австро-сербской войны. Вечером того же дня на Московской улице соберётся толпа, торжественно демонстрирующая знамёна и портреты русского императора. В сопровождении грохочущего оркестра манифестанты отправятся на Соборную площадь, к памятнику Александру Второму. Патриотическое шествие растянется на целый квартал и далее по Немецкой улице направится к казармам. На следующий день по указу Правительствующего сената о мобилизации в Саратовской губернии начнётся призыв на военную службу.

Тогда же, в июле 1914, Германия объявит России войну. Известие об этом всколыхнёт саратовцев, и состоится вторая патриотическая манифестация. После молебна в Ильинской церкви возмущённая толпа предпримет попытку разгромить германское консульство. В события вмешается полиция...

Городская дума Саратова пошлёт императору адрес, заявляя о готовности всеми средствами и силами поддержать войну и намерения царя...

С августа 1914 года в Саратовской губернии будут спешно образованы уездные земские комитеты для попечительства и помощи раненым воинам, а также семьям призванных на войну.

Саратовское Поволжье, находящееся в глубоком тылу, будет тесно связано с фронтом. На его территории развернётся формирование запасных воинских частей, насчитывающих в своих рядах более ста пятидесяти тысяч солдат. Запасные призывники буквально заполонят Саратов. Их будут размещать в зданиях школ, училищ, гимназий, в том числе духовного ведомства. В одной только консерватории будет расквартировано восемьсот мобилизованных.

Уже с самых первых дней войны начнутся жестокие и кровопролитные бои...

1914 год, январь. Саратов. Дом семьи Меерхольц

...Евгения стремительно вбегает в гостиную и замирает. Глаза её широко раскрыты, по щекам растекается румянец, а ладони сжимают маленький глиняный горшочек, переполненный цветущими розовым кустиками фиалок. Елизавета Иоганновна, заботливо избавляя от пыли старый дубовый буфет, вскрикивает от неожиданности и роняет на пол белую фарфоровую тарелку:

– Тыфу на тебя! Напугала! Что? Что, Женя?

– Приехал! – в её взгляде то ли испуг, то ли боль, то ли строгая печать суровой действительности...

Минутой позже за её спиной возникает Сергей. Сергей Петрович Меерхольц. Длинное старенькое пальто коричневого сукна, очки-велосипед и смелая улыбка, обнажающая неровные зубы. Сергей снимает с головы заячью шапку и нервно бьёт ей о колено, стряхивая снег.

Елизавета Иоганновна размашисто крестится:

– Боженьки мои, Серёженька, сыночек! А мы тебя вчера так ждали, так ждали! И за стол долго не садились, всё ждали! А уж Шурка-то как ждал тебя!

– Дайте, мама, чая горячего, что ли!.. Или нет, лучше водки! Водка есть в доме? Замёрз, как сука бездомная, пока дошёл от вокзала!

Пальто и шарф брошены на диван, грязные стоптанные сапоги приставлены к виртуозно расписанным изразцам тёплой голландской печки.

Мать суетливо перемещается по дому. В её руках то чашки, то тарелки, то закуски различные. От среднего сына Елизавета Иоганновна не знает объятий, поцелуев и знаков внимания. Не приучена, понимает своё место... Вот она отвернулась, украдкой промокнула слёзы широким воротником чёрного платья. Того самого платья, которое надела много лет назад, в день скоропостижной гибели мужа Петера...

– А что же брат мой, Александр, не дома, не с семьёй в день воскресный? А? Милейшей души особа, Евгения Карловна, а выводок твой где? – запотевший стеклянный лафитник, до краёв наполненный холодной тягучей водкой, замирает в дрожащих пальцах Сергея.

Евгения усаживается за стол напротив, их взгляды встречаются, и на некоторое время возникает тяжёлая пауза. Резким движением женщина подвигает хрустальный графинчик и наливает водку себе, в изящную кофейную чашечку:

– Достаточно скомороха из себя делать, Серёжа! Брат твой к доктору отъехал, скоро обещался быть. А дети с няней и с помощницей по дому в Городском парке... Ну, давай, Сергей Петрович, за встречу что ли... Mamochka, и Вы с нами глоточек...

Елизавета Иоганновна лукаво улыбается и смотрит на невестку:

– Давно же ты меня мамочкой не называла, лисица. Уж и не вспомню, когда в последний раз.

Евгения с силой бьёт ладонью о стол:

– Бросьте Вы это! – переводит колючий взгляд на Сергея, – Всё хорошо у нас! Не слушай её. Поди три года, как тебя, Серёжа, не видели. Пока из Пензы телеграмму не отбил, что едешь, и не знали, где ты, жив ли.

– После ссылки, в девятьсот двенадцатом, в Пензе и остался. Работал на Сызрань-Вяземской железной дороге конторщиком. Не просто так остался, конечно, интерес преследовал по женской части. Был интерес, да нет его более. Закончился. Так оно, вот... Хочу попробовать себя здесь, в Саратове, согласно образованию университетскому, в направлении юридическом.

Елизавета Иоганновна хватается за сердце:

– Господи, господа. Да кто ж тебя, Серёжа, возьмёт по образованию-то? Ты ж неблагонадежный у нас! То тюрьма Саратовская в девятьсот восьмом, то ссылка Пензенская в девятьсот одиннадцатом. И всё по политической! А жандармов сколько в доме перебивало с девятьсот четвертого года – одному Богу известно! Я как вспомню все эти обыски да допросы, стыдоба кромешная. А уж сколько уважаемых людей от нашего порога отвернулось!

Сергей поправляет очки, долго мнёт папиросу, закуривает, наливает в лафитник водки, пьёт. Евгения отодвигает чашечку в сторону и выходит из-за стола.

– Ваши внуки и правнуки, мама, будут с гордостью говорить о моих ссылках! Я намерен прочно вписать свою жизнь в историю критических, революционных перемен в государстве Российском! Мы изменим этот мир, мама, вот увидите! Россия жаждет обновления, она скулит и воет от боли по происходящему ныне. Движение несогласных и возмущённых растёт изо дня в день, из года в год! Вы же, мама, видите, что происходит у нас, в Саратове, в последние годы? На заводах Беринга и Гантке, в железнодорожных мастерских во всю действуют социал-демократические кружки, создана «Саратовская социал-демократическая рабочая группа», выпускаются очень смелые по своему содержанию газеты и журналы, мама. Очень смелые! «Саратовский рабочий», к примеру. С девятисотого года по всей России нами проведено множество стачек и забастовок, через которые успешно достигнуто удовлетворение требований по оплатам, пособиям, изменениям условий труда. Nur der verdient sich Freiheit wie das Leben, der täglich sie erobern muss!³

Громко сморкается в белое полотенце и снова наливает водки:

– Скоро... Скоро... Уже совсем скоро... А, к слову, вот что – когда случится всё, вы, мама, не забудьте – семейную родовую книгу нашу сожгите что ли или закопайте вон под кусты, в палисаднике. Ни к чему она нам. Позор это. Потом не отмоемся, если Штаммбух кому-то в руки попадёт...

Евгения смотрит в окно, потом задёргивает портьеры и, прикусывая указательный палец, шепчет:

– И далась же тебе эта революция, юродивый... Man soll den Tag nicht vor dem Abend loben.⁴

Через четверть часа с прогулки возвращаются дети. Дом наполняется смехом и весёлыми возгласами. Шурка вприпрыжку подбегает к Сергею Петровичу, забирается к нему на колени и крепко обнимает за шею:

– Наконец-то ты приехал, дядя Сига, мой любимый!

– Сига? Ну, пусть буду для тебя Сига, пусть. А откуда же ты, клоп, меня помнишь? Помнится, мы в последний раз встречались, когда ты ещё под стол пешком ходил! Женечка, я удивлён до крайности!

– Отец, наш Саша, ему много про тебя рассказывает, жалеет тебя. Бабушка, опять же, по несколько раз на дню молитвы произносит, имя твоё употребляет в церкви. Он вон даже

³ «Лишь тот достоин жизни и свободы, кто каждый день за них идёт на бой!» (цитирует «Фауста» Гёте).

⁴ Не следует хвалить день, пока не наступил вечер.

фотографическую карточку твою стащил и под подушкой прячет вместе с вырезкой из газеты. Ну, той газеты, где статья о твоём аресте...

Шурка слетает с колен дяди Серёжи, убегает, а через минуту возвращается с завернутым в льняную салфеточку секретом:

– На! Это ты!

«Саратовский листок» разложен на столе, папироса затухла о край тарелки с обглоданными куриными костями:

– Ну-ка, ну-ка... Почитаем, что тут обо мне намарали: двадцать шестого июля девятьсот восьмого года на станции «Ртищево» Рязанско-Уральской железной дороги по указанию агента охранного отделения жандармским унтер-офицером Родионовым был задержан и подвергнут обыску прибывший с поездом номер одиннадцать конторщик депо станции «Аткарск» Сергей Петрович Меерхольц. При обыске у него были обнаружены в значительном количестве разные издания российской социал-демократической рабочей партии и несколько отпечатанных на пишущей машине экземпляров «обзора деятельности центрального комитета российской социал-демократической партии и её организаций». По осмотру отобранных изданий оказалось следующее: восемьдесят девять экземпляров брошюры под заглавием «Наёмное рабство и лучшее будущее», двенадцать экземпляров газеты «Вперёд», два экземпляра газеты «Социал-демократ», три экземпляра газеты «Пролетарий» за 1908 год... Арестованный, а далее привлечённый к судебному делу в качестве обвиняемого Сергей Петрович Меерхольц объяснил, что никаких показаний по поводу всего, найденного у него, давать не желает...

Не без помощи и благородной поддержки младшего брата Александра Сергей Петрович устроен в нотариальную контору Полубояринова и прослужит там около года. Исполнительность, блестящее знание юридического дела в совокупности с высокой порядочностью и положительными личными качествами позволят ему довольно быстро оказаться на хорошем счету у хозяина. По-прежнему озарённый высокими идеями революционных перемен в России, Сергей Петрович не пожелает остаться в стороне от стремительно развивающегося движения недовольных. Участие в демонстрациях, активная работа в пролетарском издании «Наша газета», плодотворное общение с лидерами большевистских организаций в Саратове, Москве и Пензе обеспечат ему пристальное внимание со стороны жандармского управления и, как следствие, повлечут за собой многочисленные допросы и обыски.

В марте 1915 года Сергей Петрович будет снова арестован и осуждён на пять лет с отбыванием срока в Иркутской губернии, как ссыльный. Дом семьи Меерхольц вновь наполнится немой печалью и ожиданием...

Из письма Евгении Карловны к сестре Александра Петровича и Сергея Петровича, в Астрахань:

«Милая Фелицата!

Двадцать третьего апреля провожали Серёжу в ссылку. Мне тайно передали от него записочку и сообщили, когда и в какое время его и других осуждённых должны будут доставить на нашу пристань на Волге для дальнейшей транспортировки на пароходе. Записочка – вся в его духе, с идиотской, неискоренимой привычкой с неисправимым упрямством игнорировать мягкий знак в конце русских слов!.. Вероятно, ты будешь казнить меня, но я взяла на себя право умолчать в семье о проводах Серёжи – довольно уже слёз и мёртвой тишины за нашим обеденным столом!.. На пристань я ходила с маленьким Шуркой. Серёжу видели. Он нас – скорее

нет. Сложно передать, что там творилось! Собралось множество горожан, в основе своей рабочие, фабричные и портовые. Много – полторы сотни, не менее! Лозунги кричали, трясли транспарантами и сильно пили водку. Проводы превратились в настоящую политическую акцию! Конечно же, не обошлось без жандармов, стрельбы и окровавленных кулаков! Нас с Шуркой в этом хаосе чуть было не затоптали – Бог отвёл... Невозможно отрицать, что наш Саратов, среди многих других городов наших земель, уже вовсю охвачен большевистским движением, и прав был Серёжа, когда говорил «уже скоро». Что же будет со всеми нами тогда?..

Давеча пересматривала прежние серёжины вещи и в кармане его штанов обнаружила старый, замусоленный счёт из кабака:

«1 порция стерляжьей ухи – 1 рубль 80 копеек
1 бутылка «Финьшампань» – 8 рублей
За разбитый графин – 5 рублей
Извозчик за мамзелями – 2 рубля
Щи для цыгана – 60 копеек
За порванный фрак на официанте – 10 рублей...»

Вот таков он, наш Серёжа, милая моя, дорогая моему сердцу Фелицата!»

– Попей молочка, миленький, попей! Свежее совсем, с утра только от коровы. Всё молчишь и молчишь. Третий день уж пошёл тому. И глаза вон мокрые опять. Не заболел ли? – бабушка Елизавета прижимается губами к шуркиному лбу и шепчет:

– Что случилось с тобой? Что произошло, мой сладенький?

Шурка исподлобья косится на мать. Та ловит его пронзительный взгляд, спешит положить раскрытый томик Шиллера на этажерку и увести сына в детскую.

– Мамочка, я боюсь спать! Они мне снятся!

Евгения накрывает сына одеялом и присаживается на край его кровати:

– Кто, Шура?

– Те люди, что были на пристани. Мне снится, как они кричат, машут руками и бегут за нами. Их одежды грязные, а лица в крови. А еще, мамочка, у них нет глаз...

– Господи, страсти-то какие, Шура!

Мальчик кладёт ладонь матери на свой лоб:

– ...но мне сначала совсем было не страшно, мамочка, потому что там, во сне, с нами был папа и он держал меня за руку!

– А что же после?

– А после, мамочка, нам с Вами удалось убежать. А папу они своими грязными сапогами затоптали...

А тем временем...

«С продовольствием стало совсем плохо, города голодали, в деревнях сидели без сапог, и при этом все чувствовали, что в России всего вдоволь, но что нельзя ничего достать из-за полного развала тыла. Москва и Петроград сидели без мяса, а в то же время в газетах писали, что в Сибири на станциях лежат битые туши и что весь этот запас в полмиллиона пудов сгниет при первой же оттепели. Все попытки земских организаций и отдельных лиц разбивались о преступное равнодушие или полное неумение что-нибудь сделать со стороны властей. Каждый министр

и каждый начальник сваливал на кого-нибудь другого, и виноватых никогда нельзя было найти. Ничего, кроме временной остановки пассажирского движения для улучшения продовольствия, правительство не могло придумать. Но и тут получился скандал. Во время одной из таких остановок паровозы оказались испорченными: из них забыли выпустить воду, ударили морозы, трубы полопались, и вместо улучшения только ухудшили движение. На попытки земских и торговых организаций устроить съезды для обсуждения продовольственных вопросов правительство отвечало отказом, и съезды не разрешались. Приезжавшие с мест заведовавшие продовольствием, толкавшиеся без результата из министерства в министерство, несли свое горе председателю Государственной думы, который в отсутствие Думы изображал своей персоной народное представительство...»

Председатель Госдумы Родзянко М. В.

«(Россия) – форменный пороховой погреб, в котором догорает фитиль – через минуту раздастся взрыв... Мы судим, уличённых в заговорах ссылаем, расстреливаем их, но это не достигает цели. 80 тысяч под суд не отдашь...»

Одна из первых жертв революционного насилия, военный губернатор Кронштадта, адмирал Вирен Р. Н., в сентябре 1916 года в своём докладе Главному морскому штабу.

«... были такие батальоны, которые имели по 12–15 тысяч человек... Наблюдать за такими частями становилось трудно, не хватало офицеров, и возможность пропаганды революции существовала полная... Никто из молодых солдат не был ещё в полках, а только обучался, чтобы потом попасть в ряды того или другого гвардейского полка и получить дух, физиономию части и впитать её традиции. Многие из солдат запасных батальонов не были даже приведены к присяге. Вот почему этот молодой контингент так называемых гвардейских солдат не мог быть стоек и, выйдя 24, 25 и 26 февраля на усмирение беспорядков, зашатался и затем начался бессмысленный и беспощадный солдатский бунт».

Генерал Дубенский Д. Н., в феврале 1917 года находившийся в царской свите в качестве официального историографа.

«Ничто лучше не иллюстрирует отстраненность правительства от реальности, чем решение царя в этот напряжённейший и сложнейший момент отправиться в Могилев. Он намеревался провести там неделю для совещаний с генералом Алексеевым, только что возвратившимся в Ставку после лечения в Крыму. У Протопопова это решение не вызвало никаких сомнений. Вечером 21 февраля он уверял государя, что беспокоиться не о чём, и он может ехать со спокойным сердцем в уверенности, что тыл в надёжных руках. К вечеру следующего дня царь уехал. А две недели спустя он уже вернулся как частное лицо – «Николай Романов», и под конвоем. Безопасность столицы была вверена весьма некомпетентным людям: военному министру генералу М. А. Беляеву, поднявшемуся на эту высоту по ступенькам военной бюрократической лестницы и получившему среди коллег прозвище «мёртвая голова», и командующему округом генералу Хабалову, профессиональный опыт которого не выходил за рамки канцелярий и военных академий».

Ричард Пайнс (профессор русской истории) комментирует положение царского правительства в последние дни его существования.

Прощальный приказ императора Николая Второго войскам:

«В последний раз обращаюсь к Вам, горячо любимые мною войска. После отречения моего за себя и за сына моего от престола Российского, власть передана Временному правительству, по почину Государственной Думы возникшему. Да поможет ему Бог вести Россию по пути славы и благоденствия. Да поможет Бог и Вам, доблестные войска, отстоять Россию от злого врага. В продолжении двух с половиной лет Вы несли ежечасно тяжёлую боевую службу, много пролито крови, много сделано усилий, и уже близок час, когда Россия, связанная со своими доблестными союзниками одним общим стремлением к победе, сломит последнее усилие противника. Эта небывалая война должна быть доведена до полной победы.

Кто думает о мире, кто желает его – тот изменник Отечества, его предатель. Знаю, что каждый честный воин так мыслит. Исполняйте же Ваш долг, защищайте доблестную нашу Великую Родину, повинуйтесь Временному правительству, слушайте Ваших начальников, помните, что всякое ослабление порядка службы только на руку врагу.

Твёрдо верю, что не угасла в Ваших сердцах беспредельная любовь к нашей Великой Родине. Да благословит Вас Господь Бог и да ведёт Вас к победе Святой Великомученик и Победоносец Георгий»

8-го марта 1917 года.

«В течение первых месяцев после Октябрьского переворота [в России] были уничтожены многие ограничения: крестьяне получили санкцию на захват помещичьих земель; солдаты получили право на прекращение войны и возвращение домой; рабочим было дано право не работать, занимать наиболее важные административные посты, сопротивляться буржуазии, устанавливать контроль над заводами и фабриками. Что же касается отбросов общества – преступников, авантюристов и прочего сброда, – то и они получили места в правительстве и обрели полную свободу для удовлетворения своих естественных потребностей в форме убийств и грабежа...»

Питирим Сорокин, русско-американский социолог и культуролог.

«...агенты контрразведки часто возвращаются с пустыми руками и в недоумении докладывают, что в участках милиции сразу же наталкиваются на бежавших арестантов, исполняющих там должностные обязанности. Нередко старшие чины контрразведки в милиционерах, стоящих на улицах, тоже узнают своих старых клиентов. Генерал Деникин А. И. называет народную милицию Временного правительства «даже не суррогатом полиции, а её карикатурой».

По воспоминаниям исполняющего должность начальника контрразведки Петроградского военного округа капитана Никитина Б. В.

«Повидав кое-кого из Охранного Отделения понял, что они смотрели на положение дел безнадежно. Надвигается катастрофа, а министр, видимо, не понимает обстановки и должные меры не принимаются. Будет беда. Убийство Распутина положило начало какому-то хаосу, какой-то анархии. Все ждут какого-то переворота. Кто его сделает, где, как, когда – никто ничего не знает. А все говорят и все ждут. Попав же на квартиру одного приятеля, серьезного информатора, знающего всё и вся, соприкасающегося и с политическими общественными кругами, и с прессой и миром охраны, получил как бы

синтез об общем натиске на правительство, на Верховную Власть. Царицу ненавидят, Государя больше не хотят. За пять месяцев моего отсутствия как бы всё переродилось. Об уходе Государя говорили, как бы о смене неудобного министра. О том, что скоро убьют Царицу... говорили так же просто, как о какой-то госпитальной операции. Называли офицеров, которые, якобы, готовы на выступление, называли некоторые полки, говорили о заговоре Великих Князей, чуть не все называли В. К. Михаила Александровича будущим Регентом»

Так генерал-майор Отдельного корпуса жандармов, начальник императорской дворцовой охраны Спиридович А. И. описывает атмосферу в предреволюционном Петрограде, 20 февраля 1917 года.

Император Николай Второй:

«...Я берёг не самодержавную власть, а Россию. Я не убеждён, что перемена формы правления даст спокойствие и счастье народу».

Правомонархический депутат Шульгин В. В. иронически замечает, что революционные солдаты украли из буфета Таврического дворца все серебряные ложки: «Это было начало: так революционный народ ознаменовал зарю своего освобождения... Пулеметов – вот чего мне хотелось. Ибо я чувствовал, что только язык пулеметов доступен этой уличной толпе и что только он, свинец, может загнать обратно в его берлогу вырвавшегося на свободу страшного зверя... Увы, этим зверем был его величество русский народ».

«Вспыхнул неожиданно для всех нас такой солдатский бунт, которому подобных я ещё не видел и которые, конечно, не солдаты, а просто взятые от сохи мужики и которые все свои мужицкие требования нашли полезным теперь же заявить. Только слышно было в толпе: «Земли и воли!», «Долой династию!», «Долой Романовых!», «Долой офицеров!», и началось во многих частях избивание офицеров. К этому присоединились рабочие, и анархия дошла до своего апогея».

По свидетельству очевидца событий председателя Госдумы Родзянко М. В.

«...два течения – Дума и революционеры – две змеи, которые, как я надеюсь, отгрызут друг другу головы – и так спасут положение? Я чувствую, что Бог что-нибудь сделает!...»

Последняя российская императрица Александра Фёдоровна в письме своему мужу от 2 марта 1917 года.

«Троцкий, которого я слышал уже искушенным посетителем политических собраний, поразил меня тем чудовищным запасом ненависти, которую излучал из себя настоящий демон революции. Уже тогда в нём чувствовалось нечто действительно страшное. Помню, я также был поражен его диалектическими способностями. На крестьянском съезде он выступал среди предельно враждебной ему аудитории. Казалось, большевистский оратор не сможет сказать ни одного слова. И действительно, вначале оборончески и эсеровски настроенные делегаты прерывали Троцкого на каждом слове. Через несколько минут своей находчивостью и страстностью Троцкий победил аудиторию настолько, что заставил себя слушать. А окончив речь, он даже услышал аплодисменты»...

Один из деятелей кадетской партии, Иван Куторга, так характеризует своё личное впечатление от ораторского искусства Троцкого.

«Авторитет Ленина, кажется, очень вырос в последнее время. Что не подлежит сомнению, так это то, что он собрал вокруг себя и под своим начальством всех сумасбродов революции; он уже теперь оказывается опасным вождем... Утопист и фанатик, пророк и метафизик, чуждый представлению о невозможном и абсурдном, недоступный никакому чувству справедливости и жалости, жестокий и коварный, безумно гордый, Ленин отдает на службу своим мессианистическим мечтам смелую и холодную волю, неумолимую логику, необыкновенную силу убеждения и умение повелевать. ...Субъект тем более опасен, что говорят, будто он целомудрен, умерен, аскет...»

Французский посол в Петрограде Морис Палеолог, 21 апреля 1917 года.

«...Интеллектуальные силы рабочих и крестьян растут и крепнут в борьбе за свержение буржуазии и ее пособников, интеллигентов, лакеев капитала, мнящих себя мозгом нации. На деле это не мозг, а говно!»

В. И. Ленин, из письма к Горькому, 1919 год.

Из воспоминаний генерала А. Деникина:

«За гранью, где кончается «военная добыча» и «реквизиция», открывается мрачная бездна морального падения: насилия и грабежа. Они пронесли по... всему российскому театру Гражданской войны, наполняя новыми слезами и кровью чашу страданий народа, путая в его сознании все «цвета» военно-политического спектра и не раз стирая черты, отделяющие образ спасителя от врага».

1914–1917 годы. Саратов

В начале Первой мировой Александр Петрович поступает на службу в царскую армию вольноопределяющимся. Этот чин в Российской Императорской армии является самым низким и даётся первоначально лицам, добровольно поступившим на службу из податных сословий (купцы, мещане и прочие), не подлежавших рекрутскому набору. Чтобы стать вольноопределяющимся, призывник должен иметь установленный образовательный ценз и добровольно выбрать обязательную службу на льготных условиях вместо вероятного призыва по жребью, на общих условиях.

По окончании первого года службы Александр Петрович успешно сдаёт офицерский экзамен. По решению специальной военной комиссии он отправляется на учёбу и получает звание прапорщика, продолжая, таким образом, службу в армии уже в офицерском чине. Уже зимой 1915 года он назначен заведующим саратовской пулемётной школы...

В ту же зиму чета Меерхольц принимает решение подготовить шестилетнего Шуру к поступлению в гимназию. К этому времени он уже достаточно бегло читает на русском и немецком, понимает с десяток римских и арабских цифр, географию и очень увлечён рисованием. Рисовать – это у него, несомненно, от отца. Тот с молодых лет любой свободный час проводит у холста с тонкой беличьей кистью в руке. Его работы маслом особенно удачны. Пейзажами и красочными натюрмортами наполнены комнаты дома, равно как и терраса дачи, которая находится на окраине Саратова, на хуторе, вблизи узенькой мелководной речки Гуселки...

Евгения Карловна без промедления обращается к руководству гимназии с просьбой посоветовать ей человека, способного более полно подготовить Шуру к вступительным экзаменам. Ей рекомендуют выпускника гимназии, блестяще закончившего обучение в прошлом году.

Почему-то никто никогда не называет этого человека по имени. Только коротко, по фамилии – Костюк...

Костюк заинтересован немного подработать, так как имеет очень скудные средства к существованию. Проживает он в десяти минутах ходьбы от угла Царёвской, в маленькой квартире, с пожилой, тяжело страдающей подагрой мамой.

Шура к Костюку ходит с помощницей по дому Серафимой. Поразительно чистая комната, аккуратно покрашенные полы с полосатыми вязаными ковриками и большое количество красного цикламена на подоконниках. Общение с первым учителем заметно нравится мальчику – обучается он с охотой, задавая множество нужных вопросов и активно отвечая урок. Костюк выдержан, спокоен, аккуратен в подаче учебного материала и тихим голосом. Немного позже, в мае месяце, он с большим волнением сопровождает Шурку и его маму на экзамены.

Саратовская гимназия номер два. Та, что в двух кварталах от дома Меерхольц, наискосок от здания второго арестантского отделения губернской тюрьмы на Московской улице. Шура с большим успехом держит вступительные испытания: арифметика, чтение, наизусть «Отче наш» – всё на «отлично»!

В Саратове с каждым месяцем войны все более и более ухудшается положение с продовольствием. Постоянно дорожают хлеб и мясо, несмотря на утверждаемые губернатором цены. Все это вызывает недовольство населения. На Верхнем базаре открыта лавка для продажи населению муки из запасов городской управы. Но это не спасает положения. Хлеб продолжает дорожать. В августе 1915 года губернатор предупреждает мукомолов, что за задержку отпуска муки потребителю будет наложен штраф в три тысячи рублей или арест на три месяца. На другой день мука продаётся беспрепятственно. За ней стоят огромные, необычайно длинные очереди, которые местные жители называют "хвостами".

В лавке городской управы не стало мяса. Летом царь Николай II утверждает закон о запрещении употребления мяса по вторникам, средам, четвергам и пятницам, хотя три четверти населения Саратова уже давно перестало питаться мясными продуктами. Во всех лавках прекращается продажа сахара. Количеством сахара, поступившего через некоторое время, можно удовлетворить потребность населения только на одну треть. Встаёт вопрос о введении карточек на хлеб и сахар. Постное масло решено продавать по особым ордерам городской управы.

Вместе с непомерным ростом цен на жизненно необходимые продукты намного увеличались цены на обувь и одежду. Повышение цен на дрова и нефтепродукты вызывает дороговизну освещения и отопления. Возрастает даже стоимость воды. Поднимается квартирная плата.

Поднимаются цены на дрова, которые в Саратове почти исчезли. Их стали прятать. За получением дров из запасов города стоят большие очереди. Для отопления употребляют остающийся от изготовления масла жмых, по-местному «колоб», которого в городе скопилось более двух миллионов пудов. Но вскоре и колоб повышается в цене.

Дороговизна, спекуляция доводят многие слои населения до бедственного положения. Цены растут. Промышленники и торговцы наживаются на этой ситуации большие барыши.

Тем временем из-за недостатка мыла и бань, закрывшихся из-за отсутствия топлива, по городу расползаются тиф и чесотка. Борьба с ними невозможна: не хватает лекарств, медицинского персонала...

Особенно тяжело в годы Первой мировой войны приходится поволжским немцам. Они щедро жертвуют на нужды войны: в 1915 году немецкие колонисты сдают фронту около ста тысяч рублей деньгами, обувь, белье и продукты. В немецких колониях с начала войны открывается семь лазаретов, которые содержатся на средства колонистов. Однако все эти патриотические действия немецкого населения России, особенно после первых неудач русских войск на фронте, не могли помешать быстрому развитию в российском обществе антинемецких настроений. Был создан ряд националистических организаций антинемецкой направленности:

«Самодетельная Россия», «Общество экономического возрождения России» и другие. Особенно преуспело в разжигании антинемецкой истерии созданное в августе 1914 года общество «За Россию». Лидеры этого общества обвиняли немцев России как в установлении экономического господства на юге России и в ряде других регионов, так и в разрушении религиозных, нравственных и культурных устоев русского общества. Они предложили Госдуме «все проявления германской культуры в России, подавляющие русский дух и насилующие русскую самобытность» искоренить решительно и окончательно. Правительству предлагалось усилить борьбу с «земельным и торгово-промышленным немецким засильем», конфисковать и секвестировать все земли немецких колонистов, передать их в распоряжение русских крестьян.

Одна за другой большими тиражами выходят и распространяются брошюры и книги, направленные против немецкого населения России. Одни их названия уже говорят о многом: «Немецкое зло» М. Муравьёва, «Немецкое шпионство» А. Резанова, «Немецкая колонизация на юге России» С. Шелухина, «Российские немцы» Г. Евреинова, «Мирное завоевание России немцами» И. Сергеева и др. М. Муравьёв, в частности, писал: «Нам, русским, надо не только одолеть полчища тевтонов и их особой государственности предел положить, чтобы и в будущем не могло возродиться тевтонское варварство и засилье, но надо одолеть внутреннюю Германию, которая просочилась в нашу жизнь, которая двести лет влияла на нашу политику, внешнюю и внутреннюю, на развитие нашей промышленности, на строй нашей школы». В многочисленных листовках и плакатах «внутренние» немцы изображались как шпионы и паразиты, «нахлебники» русского народа.

Разжигание антинемецких настроений приводило и к конкретным враждебным акциям в отношении немцев-россиян. Так, 27 мая 1915 года в Москве произошёл антинемецкий погром. Было разгромлено более семисот торговых заведений и квартир, причинён ущерб в размере двадцати девяти миллионов рублей золотом, три немца было убито и сорок ранено. В Петербурге громили квартиры и конторы учреждений, принадлежавших немцам. Новейшее оборудование в типографии издательства И. Н. Кнебеля, позволявшее издавать книги на высочайшем художественном и полиграфическом уровне, было сброшено со второго этажа на улицу и разбито. Пострадали мастерские художников, особенно Я. Я. Вебера, у которого были похищены все произведения. Погромы прошли в Нижнем Новгороде, Астрахани, Одессе, Екатеринославе и некоторых других городах. В сельской местности нередкими стали самовольные захваты, грабежи и поджоги собственности колонистов. Психологическое давление, моральный, а порой и физический террор заставлял многих немцев, в том числе и занимавших высокое положение в обществе, менять свои фамилии на русские. Очевидно, что развернувшаяся в российском обществе антинемецкая истерия не могла бы получить широкого развития без попустительства правительства. На первых порах оно делало некоторые попытки защитить немецких граждан своей страны. В частности, министр внутренних дел Н. Маклаков запретил журналистам касаться темы «немецкого засилья», потребовал прекращения в печати травли российских немцев – «верноподданных империи». Но эта мера практически не возымела эффекта, тем более что тот же самый министр внутренних дел в октябре 1914 года направил всем губернаторам секретный циркуляр, в котором настоятельно рекомендовал переименовывать селения и волости «кои носят немецкие названия с присвоением им названий русских», что и было вскоре сделано.

Председатель Совета министров И. Горемыкин 10 октября 1914 года направил Верховному Главнокомандующему русской армии великому князю Николаю Николаевичу секретную телеграмму, в которой предложил ряд мер по решению «немецкого вопроса» в тылу русских войск. Эти меры касались и немцев – российских подданных. Исходя из этих предложений, начальник штаба Верховного Главнокомандующего генерал Н. Янушкевич дал указание главному начальнику Киевского военного округа генералу Троцкому: «Надо всю немецкую пакость уволить, и без нежностей – наоборот, гнать их как скот!».

Широкое развитие получило самоуправство местных властей. Главный начальник Одесского военного округа генерал от инфантерии М. Эбелов в октябре 1914 года приказал выселять немцев российского подданства за контакты с иностранцами, за издание газет, книг, объявлений и за разговор на немецком языке. Месяц спустя он запретил богослужения на немецком языке и всякие скопления немцев на улицах. Екатеринославский губернатор Колобов в феврале 1915 года специальным постановлением запретил «сборища взрослых мужчин немцев более двух, даже из числа русско-подданных, как в своих жилищах, так и вне их». Этот запрет ставил немцев в нелепое положение. Так, например, большая семья не имела права даже всем своим составом похоронить умершего родственника, не говоря уж о таких совместно проводимых событиях, как богослужение, свадьба и т. п. Наказной атаман Сибирского казачьего войска Н. А. Сухомлинов в сентябре 1916 года своим приказом подчинил немецкие колонии руководству местного казачьего войска, запретил немцам говорить на немецком языке.

Факты массового лишения собственности и выселение немцев западных губерний демонстрировали поволжских немцев. Весной 1916 года их посевные площади значительно сократились, местами наполовину. Русские крестьяне Поволжья, воодушевлённые ликвидацией немецкого землевладения в западных губерниях, открыто требовали передачи им земли поволжских немцев.

Из волжских колоний Саратовской и Самарской губерний за время войны, из немцев, призвано на фронт около пятидесяти тысяч человек. Немцы героически сражаются с турками на Кавказском фронте, где, по свидетельству генерала Юденича, отважно берут город-крепость Эрзерум. Но война вызывает волну шовинистических нападок на немцев со стороны части русского общества.

С началом войны закрыты немецкие газеты и частично – школы, в оставшихся преподавание ведётся только на русском языке. Запрещено подписывать по-немецки официальные бумаги и даже разговаривать по-немецки в общественных местах. В 1915 году следует распоряжение о переименовании всех немецких колоний: так, Розенберг стал Умётом, Унтердорф превратился в Веселовку, а Визенталь – в Луговое.

Из частного письма писателя В. Г. Короленко бывшему профессору Петровской сельскохозяйственной академии К. Э. Линдеману: «...то, что творится теперь над русскими немцами, есть величайшая несправедливость, слепая, стихийная, вредная и позорная для России, которой придется долго вспоминать ее со стыдом и болью...»

Волна переименований касается и Саратова. Дважды, в 1914 и 1915 годах, часть домовладельцев и гласных городской думы во главе с Н. Н. Петровым, при содействии саратовского губернатора, ставят вопрос о переименовании Немецкой улицы. В качестве новых предлагаются названия: Славянская, Скобелевская, Петра I, Петровский проспект. Но, к чести городской думы, оба раза эти предложения отклоняются. Особенно тяжелый удар по немецкому населению наносится законами от 2 февраля и 13 декабря 1915 года, по которым ограничивается землепользование и землевладение российских граждан "немецкого происхождения". Хотя Саратовская и Самарская губернии пока не подпадают под полное действие этих законов, немецкое население здесь ущемлено в экономической сфере. А закон "против немецкого засилья" 1916 года распространяется и на немцев Поволжья.

Наконец, 6 февраля 1917 года правительство публикует указ, дополняющий положение "о ликвидации немецкого землевладения", охватывающий и Саратовскую, и Самарскую губернии. К 6 апреля 1917 года должны быть готовы списки выселяемых, а с 6 февраля 1918 года планируется продажа имущества немцев с открытых торгов.

Городские думы Саратова и Покровска при участии биржевых комитетов этих городов, представителей земства опротестовывают это решение.

В решении говорится: «Живущие среди нас немцы-колонисты суть такие же русские граждане, как и все мы. В нашем краю колонисты являются незаменимыми сельскими хозяе-

вами. Мы обязаны настойчиво, определенно заявить, что ликвидация немецких земель, особенно в теперешний момент общего сельскохозяйственного кризиса, является мерой несправедливой и губительной, как для самих колонистов, так и для всего края. Она окажется чувствительной и для всей России».

Дискриминация немцев-призывников на военную службу, фактическое приравнивание их к военнопленным, вызывало ответную реакцию. Ранее всегда стремившиеся к законопослушанию, немцы стали легко поддаваться на большевистскую агитацию, быстро революционизироваться. Росло их дезертирство с фронта. После Февральской революции процесс революционизации и разложения в среде военнотружущих-немцев принял особенно широкий характер. Именно фронтовики, впоследствии, возвращаясь в свои колонии, становились там опорой большевиков. Они создавали Советы, формировали Красную гвардию, взламывали традиционный образ жизни колонистов...

г. Саратов
Школа Прапорщиков
Александру Петровичу,
г-ну Меерхольц
«Мой милый, дорогой супруг!

Перечитала сейчас «Дом с мезонином» Чехова. Первое желание после прочтения – скорее написать Вам, поделиться душевными ощущениями и чувствами. Но поняла, что, к великому сожалению, выразить словами всё это я не смогу. Всё впиталось в моё нутро, разлилось чем-то густым и душистым по жилам, и сказать мне уже ничего не осталось. Переполнение сердечное да глаза мокрые. И ведь сюжета-то особого в этом рассказе не разглядеть. Но язык каков! Каков язык! Вот же, как написано!..»

г. Саратов
Гуселские дачи,
Евгении Карловне,
г-же Меерхольц
«Дорогая моя Женечка!

Как приятно, как хорошо Вами подмечено. Подчиняясь Вашим оброненным в письме лирическим ноткам – тоже взял в руки Чехова. Вероятно, Вы будете смеяться, но есть в нём и про меня. Вот, к примеру: «У меня потребительская сущность. Я не вижу смысла создавать что-то самому. Понять других – это для меня выше». Добавлю, Чехов для меня – лекарство, неподдельное. Дух его творчества надолго останется на земле. В юности я воспринимал Чехова абсолютно не так, как сейчас, а иначе. Возможно, в будущей моей зрелости (читайте – старости) моё отношение к нему снова переменится. Я увижу новые краски, открою для себя новые мысли и понимания. Теперь же я беру карандаш и отмечаю им на страницах самое интересное, самое важное для себя. «Дело не в пессимизме и не в оптимизме – а в том, что у девяноста девяти из ста – нет ума». Как Вам, Женечка, эта фраза? И вот ещё: «Призвание всякого человека в духовной деятельности, в постоянном поиске смысла жизни». Да, Чехов велик!..

Душа моя! Кобылу Маркизу Максимов пусть гоняет при выгулах, но только с условием – после привязать как следует и детей не подпускать. И не позволять лошади скакать слишком долго. Чистить её не забывать через день, обязательно.

Скоро, Женечка моя, приеду. Соскучился, устал.
Скоро наступят холода, и необходимо будет переехать вам с дачи на
квартиру, хотя канитель это ужасная.
Целую вас крепко, крепко!
Целуйте за меня детей.
Ваш муж, Александр»
7 августа 1914 года.

1914 года, август. Саратов. Дом семьи Меерхольц

Несмотря на поздний вечер – жарко и очень душно. В распахнутое настежь окно – песни цикад и белый свет от луны. Завершён ужин, смолкли задорные детские голоса, в гостиной зажжены свечи. Александр Петрович курит трубку и раскладывает карточный пасьянс на бордовой плюшевой скатерти обеденного стола. Евгения заметно взволнована:

– Саша, послушайте меня, прошу... Я была сегодня случайным свидетелем того, как отбывал на фронт Александрийский гусарский полк, расквартированный в нашем городе... Когда я подходила к площади, полк уже начал вытягиваться в походную колонну: стройные вороные лошади, на всадниках – чёрные доломаны с серебряной отделкой, барашковые шапки, с красным шлыком... Внезапно, громко и очень торжественно раздались звуки полкового марша. Саша, я даже вздрогнула всем телом от неожиданности услышанного! Через минуту из сотни широко раскрытых ртов прогремело могучее «ура», которое тут же было подхвачено вышедшими проводить полк саратовцами. Вид у военных был какой-то особенный, праздничный: подбородки приподняты, спины – в струну, взгляды – полны гордости и восторга. На некоторое время музыка смолкла, и мне удалось услышать обрывки небольшой речи – напутственного обращения командира полка: «Австро-Венгрия захотела поработить православную...», «Его Величество не оставил без своей помощи...», «Для того ли русские солдаты проливали свою кровь...». И снова, Саша, могучее «ура», разливающееся по площади огромной, накрывающей волной. Трубаچی в первом ряду колонны, сидящие на лошадях серой масти, заиграли «Боже Царя храни», и колонна не спеша тронулась по улице, в сторону железнодорожного вокзала. Лошади были возбуждены, пританцовывали, изящно выгибая блестящие шеи. Солнце заливало золотом длинные шашки гусар. Громкий свист и гиканье раздавались повсюду... Я находилась в стороне, в толпе, и пристально вглядывалась в лица всадников проходящих мимо эскадронов... Лица, озарённые слепой верой в судьбу. Лица, свято верующие в предстоящую справедливость, полные предвкушений лихих атак и подвигов. Саша, мне даже страшно подумать о том, что их ждёт впереди! Думает ли кто-нибудь из этих людей о неизбежности страшных, трагических эпизодов? О смерти? Боже мой, ведь за их спинами – женщины, матери, дети...

Александр нежно целует ладонь жены, смотрит в её широко раскрытые, испуганные глаза:

– Есть ещё такие понятия, Женечка, как знамя полка и Россия. Чуждо это Вашей милой головке и странно. Понимаю, очень хорошо понимаю. Не всякая особь мужеского-то пола умеет принять такую расстановку положения вещей, не говоря уже о женщинах, с вашим особым душевным порядком. И расстановка та проста – всё от любви должно происходить. Ровно так, как в Евангелии прописано. Ровно так: дом свой любить, птиц в небе, день свой каждый любить, что Господом дан. Вот мы и учимся любить, как умеем: с шашками наголо, с пулемётами, Женечка. С высоко поднятыми подбородками и спинами в струну. Иначе – прах от отечества останется: вспоротые животы, вонь да лай собачий... Это я Вам от сердца своего говорю сейчас. Это я так сердце своё слышу. Ну а как офицер, как осведомлённый по некото-

рым политическим вопросам, понимаю – Россия к войне не готова. Не готова. Пятый, Донского казачьего Войскового Атамана Власова, гусарский полк был сегодня погружен в эшелоны и отправлен на фронт. Знаю об этом, доложили. Дай же им, Боже милостивый, веры покрепче!..

1917 год, октябрь. Саратов

Ближе к вечеру – дождь. Мелкий, холодный и, от резкого налетающего ветра, рваный. Откуда сегодня проливается на землю эта вода – совершенно непонятно, так как голубая высь не имеет ни единого облака и светит яркое солнце. Ветер загоняет летящие с деревьев листья в зеркала серых луж, и те принимают их, возмущаясь большими, мгновенно лопающимися пузырями.

Кажется, что город оставлен людьми. Вместо них по брошенным грязным улицам происходит беспорядочное движение тёмных фигур. Одни – вколачивая подмётки в мокрую мостовую, ходят неровным, дурно орущим строем и устремляются острыми, блестящими штыками в небо. Другие – выворачивают наизнанку продовольственные лавки, лихо стягивают пальто и шубы со случайных прохожих, режут бродячих собак для устранения голода и греются у наспех сложенных костров.

Воздух свеж и густо наполнен слабо-различимым гулом рождающейся НОВОЙ ЖИЗНИ...

«Красная армия, марш вперёд!
Реввоенсовет нас в бой зовёт...
Мы раздуваем пожар мировой,
Церкви и тюрьмы сравниваем с землёй...»

Люди, конечно же, в городе есть. Они боятся выходить из холодных домов. Из маленьких, лишённых света жилищ, с мокрыми, скверно пахнущими стенами... Смятое бельё на незастеленной кровати, коричневые разводы внутри невымытых чашек на столе... Можно лишь осторожно подглядывать на улицу через тонкую светлую полосу, разделяющую занавески на окне. Каждый необдуманный шаг в сторону сегодняшнего, нового, может унести человека в безымянную пропасть, лихо стирающую отпечатки его пребывания на этой земле...

А воздух свеж и густо наполнен слабо-различимым гулом рождающейся
НОВОЙ ЖИЗНИ...

«Красная армия – кованный меч,
Право трудящихся должен стеречь...»

Тёмные фигуры, красные нарукавные повязки. Красные банты на груди. Красные банты под чужим погоном чужой шинели. Красные... Красные... И Армия эта, рабоче-крестьянская, тоже Красна-я...

Здание бывшей казармы губернского батальона заполнено арестованными. Офицеры царской армии, полицмейстеры, служащие фабрик, а также духовные лица и меньшевики содержатся здесь в одинаковых для всех условиях. Они, несогласные с новым революционным режимом, проходят многочасовые допросы, подвергаются пыткам. В случае необходимости тут же, во дворе, их расстреливают и увозят долой тощей хромой лошастью...

– Меерхольц! Эй, кто тут Меерхольц? Выходи на допрос! Да живо! – яркий свет из открытой красноармейцем двери больно режет глаза, и Александр, прежде чем встать с холодного каменного пола, закрывает лицо связанными верёвкой руками. За спиной слышится шёпот арестованных: «Сегодня точно шлёпнут молчуна, сегодня возиться с ним закончат...»

Припадая на разбитую в допросах ногу, с большим трудом преодолевая головокружение и сильную слабость, Александр проходит длинный, узкий коридор. Чувствуя между лопаток прикосновение острия штыка конвоира, он медленно поднимается по лестнице, ведущей из подвала на первый этаж здания. Знакомый ему кабинет почему-то пуст. Подойдя вплотную к большому окну, Меерхольц прижимается небритой щекой к пыльному, пропитанному солнцем стеклу и закрывает глаза...

Несколькими минутами позже из коридора доносятся громкие шаги, лихая матерная брань и шум. Вскоре от сильного удара дверь в кабинет распахивается. К ногам Александра летит и навзничь падает незнакомый красноармеец. Вошедший вслед за ним, окутанный крепким папиросным дымом человек снимает чёрную фуражку, расстёгивает чёрную кожаную куртку и присаживается на стул. Он достаёт из кармана очки, не спеша вешает их на переносицу и поворачивает голову к арестованному:

– Ну, так что же, господин Меерхольц...

В это время, подтерев кровь из разбитой губы, красноармеец пытается отряхнуть испачканную шинель, поднимает раскиданные стулья и робко оправдывается:

– Товарищ комиссар, ну товарищ комиссар, я же не...

– Принеси молока лучше, чем скулить, скотина!

– Но товарищ комиссар, где же я Вам его сейчас добуду?

– Что, скотина? Ты что, шлепок коровий, не понимаешь, с кем разговариваешь? Так я тебе поясню сейчас! – комиссар вскакивает, привычным движением извлекает из кобуры маузер, на что красноармеец молча крестится и выбегает в коридор.

Александр тяжело дышит, вытягивает перед собой связанные руки и с трудом, сдерживая слёзы, произносит:

– Боже мой... Серёжа, ты?

Братья делают несколько шагов навстречу друг другу. Сергей напряжённо, прищутив правый глаз, не вынимая папиросу изо рта, смотрит в глаза Александру:

– Допрашивали?

– Четыре раза.

– Сапоги кто с тебя снял? Как фамилия?

– Да кто ж его знает... Что с Женечкой? Их нужно непременно спасти, слышишь? Понимаешь ты? – Лицо Александра от волнения краснеет, дрожащие пальцы теребят на груди небольшой серебряный образок. Но брат не обращает внимания на его слова:

– Мне доложили, что тебе с небольшим отрядом удалось подавить революционное восстание пулемётного полка. Ты выступил грамотным парламентёром, в результате чего обошлось без особого сопротивления и человеческих потерь. Находясь теперь здесь и будучи под арестом в течение пяти дней, ты должен был обдумать сложившуюся ныне ситуацию и осознать единственно приемлемое для всех нас решение. Не одобряя Советскую власть, отказываясь сотрудничать с новым политическим режимом, ты положишь головы близких тебе людей на плаху... Присядь на стул, присядь, успокойся... Что с ногой? Ах, да, понимаю...

Быстрыми уверенным шагами, спрятав руки в карманы широких галифе, Сергей доходит до двери и резко оборачивается:

– Маму, Женю и детей вывел из дома ночью твой денщик, Максимов. Успел еще до обыска. Я знаю, где они, но долго скрывать их не смогу. Вот такие дела, брат.

– Что отыскивали при обыске? Штаммбух нашли? Забрали?

– Не знаю, не докладывали. Ничего не знаю...

Раздаётся стук в дверь и через мгновение на столе перед Александром возникает мокрый глиняный кувшин, доверху наполненный свежим, ещё теплым парным молоком. Сергей смеётся и спешит крикнуть на опустившего рыжую голову красноармейца:

– Вот так-то лучше! Вот так-то понятнее для вас, вонючек! На вас, скотов, патрона жалко! С вас надо шкуру живьём драть за нарушение революционной дисциплины!

Во дворе, совсем рядом со зданием казармы раздаются выстрелы. Сергей подходит к окну, стучит пальцами по грязному стеклу и артистично восторгается:

– Ах, какое же солнце сегодня! Какое же благолепие вокруг! Вы только поглядите!.. И сказать мне тебе более нечего, брат мой, как только то, что утром отбываю я обратно, на службу, в Москву.

Александр долго кашляет, встаёт со стула, решительно вскидывает голову и выпрямляется во весь рост:

– Jedermann trifft eine Wahl im Leben. Ob sie richtig war, zeigt die Zeit.⁵ Я согласен.

Сергей меняется в лице, на минуту задумывается и закуривает папиросу. Сплюнув на пол, вложив маузер обратно в кобуру, он повышенным тоном отдаёт распоряжение стоящему у двери красноармейцу:

– Развяжи арестованному руки! Да живо!

Десятого мая 1918 года Сергей Петрович Меерхольц назначен товарищем Лениным Чрезвычайным комиссаром Мурманско-Беломорского края и направлен на Кольский полуостров для установления контактов с высадившимися в Мурманске и Архангельске английскими и французскими войсками, а также для выяснения действительной ситуации на Севере, консолидации разрозненных большевистских сил.

В конце июня, после московского доклада Сергея Петровича об обстановке на Севере, Совет Народных Комиссаров постановит расширить его полномочия – он будет отправлен в Петрозаводск, руководить обороной Мурманско-Беломорского края, где к тому времени начнут активные боевые действия интервенты.

ДОКЛАДНАЯ ЗАПИСКА ЧЕРЕЗВЫЧАЙНОГО КОМИССАРА МУРМАНСКО-БЕЛОМОРСКОГО КРАЯ В НАРОДНЫЙ КОМИССАРИАТ ПО ВОЕННЫМ ДЕЛАМ.

№ 2155, Петрозаводск

22 августа 1918 года

...Наряду с угрозой англо-французов, уже из района Медвежья Гора, со стороны Финляндии существует столь же реальная угроза.

Так, около Порос-озера сконцентрировалось белогвардейцев финнов около 500 человек, при пулемётах и небольшой части кавалерии. Ребольская волость, что западнее Сег-озера, – место расквартирования финского отряда в 800 человек. И наконец, в районе Сердоболя, селений Титка, Корин и Сайвон – формирования около 29–32-х тысяч человек, с авточастями, гидроаэропланами, конницей и орудиями. Финно-белогвардейцами усиленно ведётся агитация с одновременной раздачей хлеба и мануфактуры, что, конечно, не остаётся без результата, и часть крестьян охотно поступает в ряды белой гвардии.

Для того чтобы быть всеосведомлённым, я развил сильную разведку, благодаря которой продвижение как англичан, так и финнов не застанет нас врасплох.

ЧРЕЗКОМ С. Меерхольц

1917 год. Из тетради Александра Петровича Меерхольца:

⁵ Каждый человек делает в своей жизни выбор. Правильным он будет или нет – покажет время. (нем.)

«...Большевики страшнейшим образом разодрали Россию изнутри на множество мельчайших осколков. Многовековая могучая империя рухнула, словно добрый дуб под ударами топора. Рухнула в анархию и чудовищную, мерзкую неразбериху. Потребовалось всего несколько лет, чтобы из страшной, кровавой каши российских мятежей и бунтов появились ровные контуры нового рабоче-крестьянского государства – красной России. Неожиданно для всех: для доблестной белой гвардии, для союзников, для многих из нас – Ленин с успехом собирает страну в единый мощный кулак, под чуждое светлomu разуму знамя, под новую идею. Тактика полноценного выживания диктует большевикам действия, в конечном итоге приводящие к уничтожению старой и образованию новой России...

Желающие уничтожения старой России перегрызли русской власти шею – иного выражения своей мысли я на сегодняшний день не подберу. Для организаторов крушения России всё ещё живой претендент на трон – это настоящая катастрофа. От этого-то законные наследники царского престола беспощадно, зверски истерзаны и убиты...

Желающие уничтожения России развалили русскую армию, раскололи надвое сословия, семьи. Единого, мощного оплота армии у России больше нет. Есть толпы плохо организованных вооружённых людей в шинелях и бушлатах...

Желающие уничтожения России разрушили многовековой механизм управления государством...

Но Россия окончательно не погибла. Да, может быть, она склонила голову, ослабла, застонала, затаилась. Но не погибла...

Количество человеческих жертв по России на сегодняшний день, вероятно, исчисляется уже миллионами. Противоборствующие стороны совершают чудовищные преступления против невинного мирного населения, против солдат противника и даже против подозреваемых в сочувствии к противнику...

Но революции просто так, из ничего, не происходят. Годами, десятилетиями их тщательно готовят, разжигают, используя в качестве горючего реально существующие в стране проблемы, изъяны и чисто человеческие противоречия...

Мне представляется каким-то чудовищным, недостижимым для ума то стремительное движение, с каким обрушилась на нас на плечи наша несчастная Россия! Закачались, стинули в глухую неизвестность царь-батюшка, властитель, со свитой министров, потом кадеты, потом эсеры... Сегодня на поверхности грязного, смердящего болота событий плавают самые неспособные, самые отвратительные бездарности, жалкие истерики и разбойники. За молитву сердечную, за святых угодников – в лицо бьют отчаянно. А бесовское же ремесло – напротив, нынче у толпы в великом почёте установилось...

Революцию можно было избежать. Уверен. Неравенство, нищету, голод – можно было исключить из жизни России совсем иначе, благоразумно, не так апокалиптически...

Я задыхаюсь от переполняющего меня чувства нашей общей вины, от бессилия, от коверкающих сердце мыслей о днях грядущих. В днях тех – будто нет меня, а если и есть – то совсем я другой, чужой, ненавистный и противный самому себе.

Где нынче великая отеческая любовь Христова? Куда сгинула? По каким побрела дорогам и быстрым рекам? Как в страхе, незрячему отыскать её да в душу вернуть? Почернело всё вокруг...»

Р.С.Ф.С.Р.
РЕВОЛЮЦИОННЫЙ ВОЕННЫЙ СОВЕТ
Северо-Кавказского Военного Округа
12/12–1919

МАНДАТ

Дан сей тов. Меерхольцу Александру Петровичу в том, что он действительно состоит начальником Управления Военно-Продовольственного Снабжения Армий Кавказского фронта, а потому, на основании постановления Совета Народных Комиссаров от 2-го декабря 1919 года, постановления В. Ц. И.К., согласно постановления Совета Рабоче-Крестьянской Обороны от 12-го декабря 1919 года, пользуется всеми служебными правами и преимуществами Начснаба Фронта.

В виду особой Государственной важности задач, возложенных на правление Военно-Продовольственных Снабжений, согласно положений о местных органах Главснабпродарма, тов. Меерхольцу Александру Петровичу предоставляется право:

1. Требовать от всех продорганов, учреждений и организаций, как военных, так и гражданских, имеющих отношение к делу снабжения армий продовольствием и предметами первой необходимости, доставления необходимых продкавфронту данных, сведений, материалов и прочее...
2. Отстранять не соответствующих своему назначению подчинённых должностных лиц от занимаемых ими должностей и заменять их другими.
3. Возбуждать ходатайства об устранении виновных и саботирующих элементов от должности и предания их суду.
4. Созывать совещания местных властей и продорганов по вопросам продовольствия...
5. Присутствовать на совещаниях и заседаниях... делать на них заявления, доклады, давать объяснения...

Для успешного осуществления своих прав и полномочий тов. Меерхольцу Александру Петровичу предоставляется право подачи бесплатных телеграмм... и право бесплатного пользования телефонной сетью, а также свободного передвижения по всем путям сообщения Республики с правом проезда на пароходах, поездах, вагонах экстренных, штабных, делегатских и на отдельно следуемых паровозах...

Все Советские Учреждения, Общественные Организации и должностные лица обязаны оказывать тов. Меерхольцу Александру Петровичу всемерное содействие и фактическую помощь при выполнении возложенной на него задачи.

Всякое противодействие, как активное, так и пассивное со стороны учреждений и лиц будет рассматриваться как противодействие Красной

Армии в условиях Военного времени и преследоваться по всем строгостям революционного закона...

Согласно приказа Реввоенсовета Республики от 30 сентября 1918 года № 6 тов. Меерхольц Александр Петрович без ведома Упродкавфронта не может быть подвергнут ни аресту, ни задержанию по каким бы то ни было причинам.

Тов. Меерхольцу предоставляется право носить всякое оружие.

Реввоенсовет: Ворошилов

Будённый

Секретарь Орлова

1919 год, декабрь. Дача семьи Меерхольц, хутор на реке Гуселке

Утро морозное, безветренное. Стайка снегирей – будто красные яблоки, нечаянно рассыпанные по снегу. Яркое белое солнце над головой, да прямые полосы печного дыма в голубое небо – повсюду из деревянных жилищ.

Шурка выбегает на тонкий лёд Гуселки, затягивает поясok на пальтишке покрепче и кричит, что есть сил:

– Мама, мамочкааа! Мамочка, смотрите, как наша речка застыла!

Вслед за Шуркой, широко разведя руки, с визгом, скользит на коленках Ростик.

Евгения испуганно охает, хватается за голову:

– Мальчики, назад! Сейчас же назад! Лёд ещё слабый совсем! До беды дело дойдёт!

Минуту спустя все спешат домой: братья послушно держат мать за руки, дурачатся и хохочут, шмыгая замёрзшими носами. Мать хмурит брови:

– Шура, ты непозволительно ведёшь себя перед младшим братом! Чему хорошему он научится, глядя на твой пример поведения? Сегодня – эта безумная выходка на льду. Вчера ты явился из гимназии с разбитым лбом и в синяках! К тому же не удосужился объяснить случившееся отцу.

Сын молчит, виновато уткнувшись в пальто матери, поглядывая на Ростика.

– Шура, ты не расслышал мой вопрос?

Мальчик оборачивается назад, будто желая удостовериться, что за его спиной никого нет. Затем поднимает глаза на мать и шёпотом оправдывается:

– Они меня дразнят, каждый день дразнят и смеются. Вчера кричали «Катись на саночках к своей немецкой мамочке!» Ну как я мог терпеть? Как? Я дрался. Кулаками. Честно. Вот такая правда, мама... Мама, скажите мне, это очень плохо, что мы – немцы?

Евгения останавливается и строго смотрит на сына. Шурка видит иней на её ресницах и маленькую капельку крови из трещинки на нижней губе.

– Это для кого плохо? Для тебя, Шура, плохо? Запомни, Шура: стесняться корней своей семьи – безнравственно и неприемлемо для благородного человеческого разума! И если я ещё раз услышу подобные вопросы, то более не смогу уважать тебя, Шура!

Совсем скоро прогулка подходит к завершению. Вековые липы аллеи, яблоневые сады, справа от дачных построек – всё покрыто снегом. Высокие сугробы играют алмазами, сквозь них протоптана дорожка к дому. Тишина, только где-то совсем рядом чирикают воробьи. Евгения поправляет высокую лисью шапку, прячет холодные руки в муфту и переводит своё внимание на другого сына:

– А ну-ка, Ростислав, свет мой, расскажи-ка мне, что завтра будешь докладывать на занятии в гимназии про наш любимый город?

Ростик вприпрыжку, играючи, чеканит слова и с большим удовольствием отвечает матери:

– Город Саратов находится на юго-востоке европейской части России, на Приволжской возвышенности. Зима у нас морозная, многоснежная. Волга наша замерзает в конце ноября, а полностью очищается ото льда в конце апреля. Лето очень жаркое и сухое. Ветры летом сильные, с пылью... Советская власть в городе провозглашена была двадцать седьмого октября 1917 года. Наверное, Теперь всегда будет Советская власть. Только я ещё не знаю, хорошо это или плохо.

– Цыц, шишига! Рассуждать он надумал! Беги вперёд и отворяй калитку поскорее! Оба – к тёплой печке! Бабушка обещала пирогов сотворить, пока мы с вами празднично шатаемся, бездельничаем. Вот погреемся, пообедаем, а к вечеру лошадю – в город. Отец заждался уже, наверное. И нянька, справляется ли с Лёвушкой и Томой? Переживаю что-то. Томочке нашей хоть ещё и годика нет, а с характером барышня!

Дверь дома неожиданно открывается, и на пороге возникает Александр Петрович. Евгения застывает в недоумении:

– Ты? Почему ты здесь? Что за непредвиденность?

– Я за вами, Женечка. Собирайтесь срочно. Утром отъезжаю в Ростов-на-Дону. Вы – вслед за мной, но несколько позже. Вероятно, двинетесь поездом, вместе с управлением фронта. В результате совместного совещания членов РевВоенСовета был подписан приказ, в котором среди прочего изложено, что я назначен начальником снабжения Северо-Кавказского военного округа...

Евгения пошатывается, прижимается щекой к пахнущей лошадю шинели мужа:

– А как же теперь...

– Собирайся, Женечка. Нам сегодня ещё очень многое надо успеть...

ТЕЛЕГРАММА

ЧРЕЗВЫЧАЙНОМУ КОМИССАРУ МУРМАНСКО-
БЕЛОМОРСКОГО КРАЯ, ТОВАРИЩУ МЕЕРХОЛЬЦУ С.
ПЕТРОЗАВОДСК
07.07.1918

Вам вменяется в обязанность:

1. Принять все меры к радикальному разрушению железнодорожного пути на возможно значительном расстоянии.

2. Иностранцев, прямо или косвенно содействующих грабительскому походу англо-французских империалистов, арестовывать, при сопротивлении – расстреливать.

3. Граждан Советской республики, оказывающих прямое или косвенное содействие империалистическому грабежу, – расстреливать.

4. Два миллиона рублей переводятся в Ваше распоряжение. О посылаемой Вам военной помощи будет сообщено особо.

ПРЕДСОВНАРКОМА ЛЕНИН

1919 год. Саратов – Ростов-на-Дону

Из письма Александра Петровича Меерхольца к супруге:

«...Совсем неожиданна для меня в конце ноября оттепель. Прошли Царицын, до Ростова около ста вёрст, и погоды здесь заметно отличаются от наших. Подтаивают сугробы, а о состоянии проезжих дорог и говорить не хочется – перемешка снега с вязкой грязью. Идём обозами, промокшие, уставшие и злые. Лошади с трудом выполняют свою работу. Дисциплина среди вверенных мне военнослужащих оставляет желать лучшего. Люди подобрались из разных общественных слоёв, и это порождает многочисленные конфликты, неприязнь и жестокость по отношению друг к другу...

Хотел начать своё письмо так: «Еду по России искать правду». Хотел, но подумал, что эти слова не будут честными. Этими словами можно попробовать слухавить, закрыться от самого себя или попытаться избежать упрёка и осуждения. Мы с Вами давно всё поняли, родной мой человек. Поняли ещё в семнадцатом году, задолго до моего ареста большевиками...

Я еду собирать обломки своей совести, Женечка, по-другому никак не сказать.

Человека «моего племени» вполне можно назвать слабым, ничтожным. Он идёт на многое ради сохранения собственного покоя. Я всегда находил себя далеким от политических драк и нездорового противостояния миру и самой жизни. Я всегда с особой гордостью осознавал, что за моими плечами – семья: Ваша очаровательная улыбка, первые шаги моих детей, тёплые руки матери. Это и только это составляло мой замечательный, привычный уклад, которому, как мне казалось, должно благоволить всё вокруг. Все мои успехи, достижения и скромные мирские победы, видит Бог, осуществлялись во имя вас, самых близких для меня, самых любимых. Конечно же, видел и слышал, чем наполняется Россия. Но до самого критического момента в своей биографии – не верил в такой излом событий. Не умел осознать в полной мере, что вот она, уже совсем рядом с нами – калечащая и рвущая на куски сила. Откажешься бегать у неё в холопах – конец...

За своё неприятие и несогласие я получил бы пулю, Вы знаете. Нет, слаб душой, сломался, всё о вас думал. Отдал себя в руки сатане и прошу теперь, чтобы Господь не отвернулся от меня. Всё это ничтожно. Мерзко и ничтожно...

Кажется, что откуда-то из-за дальнего леса, из-за могучих вековых сосен выкатится сейчас огромный чёрный ком и всех нас раздавит. А ведь он точно где-то существует, этот огромный чёрный ком, сотворённый из великого зла, обиды и людской ненависти...

...Мы все заплатим страшную цену за свои жизни. То, что произошло и будет происходить на российской земле завтра, – никогда не найдёт оправдания в истории. Не придёт в сердца человеческие прощение»...

ПРЕДРЕВВОЕНСОВЕТ ТРОЦКОМУ ПО МЕСТУ НАХОЖДЕНИЯ,
КОПИЯ КИЕВ ПРЕДСОВНАРКОМА РАКОВСКОМУ, КОПИЯ
СОВОБОРОНЫ ЛЕНИНУ

23 июня 1919 года.

Приднепровский плацдарм оставлен. Взятое нами обратно Синельниково оставлено, и наша пехота зарублена казаками. Происшедший уже перелом в настроении частей, неоднократно гнавших перед собой противников, снова аннулирован. Единственной причиной является преступное легкомыслие южного фронта, своей расхлябанностью губящего хорошо начатое дело. На все наши требования о высылке патронов мы получили от харьковского Совобороны только отписки о том, что руководство фронта не виновато в захвате казаками посланного нам ранее боеприпаса. Для пересоздания армии необходимо сейчас отходить планомерно, не спеша, что совершенно невозможно без отражения частичных контратак и активных действий. Наши лучшие части морально разлагаются и обвиняют нас в предательстве. Недостаток патронов таков, что часть в шестьсот шестьдесят человек отправляется в бой с десятью тысячами патронов. Удержать оборону Екатеринослава при этих условиях невозможно. Мы требуем от южного фронта посылки патронов вне всякой очереди, на весь состав 14 армии, с включением Крымской территории...

РЕВВОЕНСОВЕТ:

К. ВОРОШИЛОВ

С. МЕЕРХОЛЬЦ

Б. МЕЖЛАУК

ПРИКАЗ № 22

войскам 14 армии РСФСР

гор. Кременчуг, 6-го июля 1919 г.

1.

Ещё раз подтверждается, что начальники частей, отлучающиеся со своих участков для докладов и т. п. надобностей без разрешения Штаба, будут расстреливаться на месте, как подлые дезертиры и шкурники.

Всем красноармейцам и начальникам надлежит помнить, что трусы, боящиеся возможной смерти от пули противника и бегущие в тыл, будут наверняка расстреляны в тылу.

2.

Несмотря на неоднократные указания и приказы Политинспекции, в помещениях и эшелонах действующих частей продолжают оставаться праздные женщины, процветает разврат, что вносит в ряды армии дезорганизацию и разрушает боеспособность частей. Противник пользуется этой расхлябанностью в своих целях, организуя при помощи женщин широкий шпионаж.

Этой позорной дезорганизации должен быть положен конец.

Реввоенсовет армии предписывает всем политкомам, под их личную ответственность, немедленно выселить из пределов подведомственных им частей всех женщин, не занимающих определённых должностей в Армии, и препроводить их в тыл.

Неподчиняющихся данному Приказу – арестовывать и предавать суду Военного Революционного Трибунала.

3.

Установлено, что наши части, забирая пленных белогвардейцев и даже перебежчиков, часто полностью их расстреливают. Такие действия останавливают разложение в рядах противника и заставляют насильно мобилизованных белыми рабочими и крестьянами избегать сдачи в плен из опасения подвергнуться той же участи, что и белогвардейцы. В целях усиления разложения в армии противника и привлечения на нашу сторону мобилизованного им рабоче-крестьянского элемента Реввоенсовет предписывает всем политкомам частей принять все меры к тому, чтобы имевшие место массовые расстрелы пленных, а тем более перебежчиков, отнюдь не применялись.

Одновременно политкомам и политработникам предписывается развить самую широкую агитацию в рядах противника с призывами переходить на нашу сторону и непременно указанием того, что добровольно сдавшимся в плен будет гарантирована жизнь.

4.

Реввоенсовет армии обращает внимание политических работников на то, что работа в частях, несмотря на большое количество ответственных товарищей коммунистов, поставлена весьма слабо. Новые из них, влившиеся в роты, батальоны и другие воинские части, забывают о своей обязанности революционера быть всегда и везде не только старшим товарищем красноармейца, но и его воспитателем и пропагандистом идей коммунизма. До сих пор во многих частях не изжиты явления бандитизма, махновщины, антисемитизма и всего того, что ведёт к разложению Армии и к усилению контрреволюции. Следует помнить о том, что боевая мощь Красной Армии вытекает из сознательности всех начальников и политработников, из ясного представления своих задач каждым из красноармейцев, ибо только этим выковывается твёрдость духа, чувство беззаветной преданности делу революции и умение всегда выйти из положения, как бы плохо оно ни было. Твёрдость духа есть основа, дающая успех в бою. Всякий политический работник, каждый коммунист обязан следить за своей честью, пользоваться всяким случаем для разъяснения несознательным товарищам идей коммунизма и задач бойца-революционера. Здесь не может быть места формальному отношению к делу, здесь нельзя отделяться официальными митингами на общие темы, здесь нужно нести групповые беседы, пользуясь ежедневными случаями соприкосновения с товарищами по роте. И сила оружия, удваиваемая сознательным представлением о своих задачах, в руках красноармейца будет обрушиваться на белогвардейские банды теми мощными

ударами, под которыми погибнут попытки наших врагов удушить российскую революцию и разгорающийся пожар всемирного восстания пролетариата.

РЕВВОЕНСОВЕТ 14 АРМИИ:

ВОРОШИЛОВ

МЕЕРХОЛЬЦ

НАЧАЛЬНИК ШТАБА МАРМУЗОВ

ЗАПИСКА ПО ПРЯМОМУ ПРОВОДУ. 14 АРМИЯ. МЕЕРХОЛЬЦУ С.
АЛЕКСАНДРОВСК. РЕВВОЕНСОВЕТ. ПРИНЯТА 12.06.1919 ОТ
ШТАБА 7 ДИВИЗИИ

Приказываю немедленно донести, каким образом вами мог быть допущен приказ по вверенной мне Армии, без моей подписи и без предварительного осведомления меня о содержании такового. Вся ответственность за руководство 14 Армией лежит на мне, и никто не имеет права, помимо особо мною уполномоченных на это лиц, давать какие-либо приказы. Вместо того чтобы информировать меня о положении на всех участках и доносить своевременно южному фронту о всех исключительных событиях Армии, вы занимаетесь командованием. Предупреждаю, что дальнейшая задержка донесений мне и фронту, издание самовольных приказов повлечёт немедленное предание вас суду.

КОМАНДАРМ 14 АРМИИ ВОРОШИЛОВ

ЗАПИСКА ПО ПРЯМОМУ ПРОВОДУ. 14 АРМИЯ. МЕЕРХОЛЬЦУ.
АЛЕКСАНДРОВСК. РЕВВОЕНСОВЕТ. ПРИНЯТА 18.06.1919 ОТ
ШТАБА 7 ДИВИЗИИ

Объездили фронт и лично убедились, что противник в направлении Синельниково-Раздоры немногочислен. Разведка доносит, что противник группируется на правом фланге. В направлении Славгорода части только к вечеру понемногу стали собираться. От прекрасной группы Гришинского направления остались жалкие частицы. Немедленно нужно выслать Белорусскую бригаду. Положение на Лозовой неважное.

КОМАНДАРМ 14 АРМИИ ВОРОШИЛОВ

ЧЛЕН РЕВВОЕНСОВЕТА МЕЖЛАУК

Исполнитель Любенчук.

РСФСР

22.07.1919 г. Вход. № 2330

РЕВВОЕНСОВЕТУ 14 АРМИИ

Ввиду тяжёлого положения на полтавском участке фронта и необходимости нанести противнику фланговый удар второй бригадой 46-ой дивизии, я полагал бы целесообразным выезд на полтавский участок товарища Меерхольца и товарища Ворошилова, со специальным поручением от Реввоенсовета 14 армии добиться самого энергичного наступления в указанном направлении.

ПРЕДСЕДАТЕЛЬ РЕВОЛЮЦИОННОГО ВОЕННОГО СОВЕТА ТРОЦКИЙ

1920 год, декабрь. Ростов-на-Дону

Штаб Северо-Кавказского Военного Округа

– Разрешите обратиться, Алексан Петрович? – новоявленный адъютант Меерхольца велик ростом, сутул, и оттого шинель его кажется смешно обвисшим мешком на худом, узком теле. Сняв с плеча тяжёлую винтовку, проведя длинным рукавом по красному мокрому носу, он усаживается напротив письменного стола Александра Петровича.

– Вот, понимаете ли, письмо надумал написать. Могу ли спросить у Вас чернил?

Меерхольц по-доброму улыбается:

– Так ты что же, Яков, грамоте обучен?

– Да есть немного знаний – тятя, прежде чем убили его, на фабрике служащим был. Мы с братом при нём успели три класса школы окончить. Ну а уж как его не стало – с матерью в деревню подались, к её родне. Там не до умных книжек было...

Александр Петрович протягивает через стол серую железную кружку с дымящимся кипятком:

– Пей, грейся. А кто же, Яков, отца твоего загубил? За какую такую провинность?

Юноша делает глоток, опускает глаза и снова проводит рукавом шинели по носу.

– А большевики и убили. А ни за что, а случайно под пулю влез опосля митинга на фабрике. Так дадите чернил или как? Или не имеется свободной возможности?

Меерхольц достаёт из шкафа малахитовый чернильный прибор, несколько листов бумаги и кладёт перед адъютантом.

Совсем скоро в штаб прибегает Шурка. Ему долго не удаётся поговорить с отцом: бесконечный поток людей в кабинет, громкие вопросы и ответы, долгая работа с документами. Шура садится на стул возле тёплой печки, снимает варежки, большие валенки и дремлет. Издалека, откуда-то с окраин города, непрерывно раздаётся пулемётная и оружейная стрельба. С тех пор когда Шура каждый день стал видеть большевиков, он привык к ней. Дрожащие в окнах стёкла и гневная брань горожан не рожают в его душе переполоха или страха.

Меерхольц наконец-то отвлекается от дел, закуривает блестящую чёрную трубку и быстрыми шагами подходит к сыну.

– Шурка, доложи-ка, что в доме с продовольствием?

– Пока хватает. Вчера получили морковный чай и крупу. Есть ещё немного хлеба, соль и мочёные яблоки. Сегодня за уроки музыки с мамой рассчитались крыночкой молока и вишневым вареньем.

– Я настойчиво просил не брать ничего съестного из чужих рук! Я же объяснял! Ох уж эти Женины штучки!..

Но кажется Шура не обращает внимания на брань отца. Он всматривается в его родное лицо, следит за движением рук, поправляющих потёртую кожаную кобуру, и в великой гордости улыбается. Отец! Самый сильный для Шуры, самый справедливый, самый честный и смелый!

– Отчего же ты смеёшься, гусь лапчатый? Нет, ну посмотри на него, Яков! Я с ним о серьёзном, а он – смеяться вздумал!

Адъютант прекращает скрести пёрышком о густо исписанный лист бумаги и поднимает глаза:

– Толковый он у Вас будет, Алексан Петрович!

Яков спешно допивает давно остывшую воду, поднимается и потирает руки:

– Осмелюсь ли просить. Тут это... Письмо закончено, но наверняка нуждается в правке. В нынешнем виде отправлять нельзя никак. Не могли бы Вы, пока есть свободная минутка и нет в кабинете посторонних...

Меерхольц садится за письменный стол, некоторое время раскладывает документы по объёмным белым папкам, затем берёт бумаги у Якова.

– Ну что же, Яша, править значит править. Если не воспротивишься – вслух прочитаю... Позволь, мил человек, да что это? Письмо товарищу Ленину адресовано? Это кто же тебя надоумил такой шаг сделать?

– Молчать нет сил, Алексан Петрович! Несправедливость вокруг, недостойность революционным идеям, а товарищ Ленин ничего не знает об этом. Письмо ему необходимо!

– «...суд революционной совести превратился в самосуд матросских и красноармейских банд по самым различным поводам и предложениям. Уничтожают боевых противников, даже когда те уже сложили оружие. Без причин истребляют богатых и просто обеспеченных людей. Казнят за неосторожное слово, за ношение царских погон, за службу в полиции в дореволюционное время и по другим порою вздорным поводам.

На моих глазах под Ростовом в дачной местности было убито пять мальчиков-партизан возраста четырнадцати-пятнадцати лет. Красноармейцы раздели их донага, выстроили в ряд на улице и тут же расстреляли, а их одежды, пререкаясь, поделили между собой. Вечером того же дня было расстреляно еще десять человек: старик-священник, отставной генерал, семидесятилетняя старуха и несколько казаков. Убийства сопровождались грабежами, погромами домов. Расхищали вещи, разбивали ульи на пасеках, грабили иконы, книги. Тогда же большевики разгромили местную церковь, откуда унесли святое Евангелие, золотые чаши и на престольную плащаницу.

На железнодорожной станции Батайск в феврале этого года местный военно-революционный комитет арестовал, а затем расстрелял без следствия и суда около сотни человек, офицеров и интеллигенции, которых обыкновенно хватали прямо с поездов, по внешнему виду. Стоявшие на станции красноармейцы добровольно сбегались, чтобы принять участие в этих убийствах.

Комиссар Краснолобов давеча хвалился нашим пулемётчикам, как в хуторе под Таганрогом нагребил с местного населения аж сто двадцать тысяч рублей. А тех, кто воспротивился его мандату, – умирал стрельбой и истязаниями.

Днями и ночами по городу производятся повальные обыски, ищут «контру», не щадят раненых и больных. Красноармейцы врываются в лазареты, находят там раненых юнкеров и офицеров, выволакивают их на улицу и там же расстреливают. Над умирающими и трупами всячески глумятся: бьют прикладами винтовок по головам, топчут ногами, мочатся им на лицо...»

Меерхольц бросает жёсткий взгляд на раскрывшего рот Шуру, поджигает табак в трубке, несколько раз глубоко затягивается и продолжает чтение:

– ...убитых подолгу оставляют на местах расстрелов, не позволяют родственникам забирать тела своих близких, оставляя их на съедение бродячим собакам, которые таскают растерзанные трупы по улицам.

Намерен так же сообщить, что, когда большевики вошли в Ростов, к ним поголовно прикнуд весь преступный, уголовный элемент города, который впоследствии, якобы согласно «революционной совести», осуществляет открытые грабежи и бесчинства...»

На некоторое время в кабинете наступает тишина. Шура замирает, изучая глазами то напряжённое лицо отца, то растерянную позу крепко сжимающего винтовку Якова. Затем медленно натягивает валенки и на цыпочках направляется к двери, оставив лежать на полу мокрые рукавицы. Отец, заметив это, вскакивает со стула:

– Стоять!

Мальчик останавливается, но не решается повернуть голову в сторону отца. Голос в спину становится чуть тише:

– Матери передай, что ночевать сегодня непременно прибуду домой, пусть ждёт. И не забудь, что сейчас, здесь, ты ничего не слышал, гусь лапчатый!

Сын пробкой вылетает из здания штаба, спотыкается и падает лицом в холодный, рыхлый снег. Стоящий рядом красноармеец хохочет над ним и пытается взять под локоть, помогая встать на ноги. Шурка сопротивляется его рукам, обидно обзывает, наконец, вырывается и убегает в сторону дома...

– Думается мне, Яков, что жизнь тебе совсем не дорога и пожелал ты с ней расстаться!

– Но Алексан Петрович, как же так? Разве Вы не понимаете...

– Понимаю. Понимаю даже поболее, чем ты. И спешу сообщить тебе, Яша, что на самом деле положение происходящих ныне событий совсем иное. Мне довелось слушать доклад товарища Свердлова на пятом съезде Советов в восемнадцатом году. Так вот, в том докладе открыто говорилось, что в условиях углубляющегося кризиса большевистской власти необходимо прибегнуть к массовому террору, который необходимо проводить против контрреволюции и врагов советской власти. Съезд официально одобрил позицию товарища Свердлова. Так же, Яша, полезным для твоей политической грамотности я считаю чтение доктрин самого товарища Ленина, в которых он указывает своё отношение к террору и революционному насилию. Взять ту же – «Очередные задачи советской власти». Что там? Диктатура пролетариата есть железная власть, революционно смелая и быстрая, беспощадная в подавлении эксплуататоров. Но нынешняя наша власть – непомерно мягкая, сплошь и рядом больше похожа на кисель, чем на железо. Никакой пощады не может быть врагам народа, врагам социализма. С этими врагами надо расправляться. Надо действовать! Обысками, расстрелами, массовым террором. Карающий революционный кулак не может соответствовать никаким юридическим нормам, Яша. Ещё в семнадцатом году товарищ Троцкий заявил о начале массового террора по отношению к врагам революции, по примеру великих французских революционеров. Советом народных комиссаров был издан декрет с названием «Социалистическое отечество в опасности!», в котором очень чётко прописано, что неприятельские агенты, спекулянты, контрреволюционные агитаторы расстреливаются на месте, без предварительных обсуждений вопроса. Взять опять же заявление товарища Зиновьева: предоставить право самостоятельно расстреливать, брать в заложники, принимать меры, чтобы трупы не попадали в нежелательные руки... Ты, Яша, молод совсем, в революционной борьбе человек новый, поди неделя, как из своей деревни прибыл на службу. В нашем деле, Яша, церемониться с классовым врагом не принято. Привыкай к тому, что видишь. И сердцем, и головой привыкай. Не поймёшь наш разговор, полезешь на рожон – сам во вражеский лагерь загремишь. А потом – сам подумай, что может с тобой произойти...

Меерхольц быстрыми движениями рук мелко рвёт исписанную адъютантом бумагу, укладывает в серую железную кружку и поджигает. Яков, не отрывая глаз, смотрит на алые языки пламени, чёрный дым от них, тянущийся к настольной лампе с зелёным абажуром, и тихо произносит:

– Не верю я Вам, совсем не верю. Не то Вы говорите. Может и прав товарищ Краснолобов, когда называет Вас немецким шпионом...

1920 год. Ростов-на-Дону

Из тетради Александра Петровича Меерхольца:

«...Дождь, дождь, дождь, с раннего утра. Он родился на призрачной, немыслимой грани тьмы и света, смыв с черной скатерти ночи остатки играющих звезд. Когда первые капли робко достигли стекла окна – неведомое эхо сразу перенесло их ко мне в сердце. Несколько безликих мгновений – и капли набрали силу, стремительно превращаясь в зычный поток, в неукротимый тяжелый ливень. Небо исчезло, его заменило темно-серое слепое полотно, выпускающее из себя неутомимую грусть истекающей из него воды. Мир в моем окне обрел мрачность и безнадежную пустоту. Кажется, нет возврата в его прежнее состояние, в звонкую, благоухающую радость. Кажется, не прекратится холодный ветер, не будет солнца, смеха и птичьего пения. Будет только дождь, дождь, дождь...

Дождь, дождь, дождь... Подлым ознобом, ненавистным повелителем, беспощадным судьей. Потоки, нескончаемые потоки воды, которые не позволяют себя унять. Не разглядеть сквозь них смысл завтрашнего дня. Душа потерялась, заблудилась в равнодушных монотонных звуках пространства и искренне заплакала. Так плачет ребенок, проживающий страшный сон в ночи и не умеющий из него выйти. Спящий младенец, который не в силах открыть глаза, безнадежно тянущий руки навстречу долгожданной помощи.

Дождь, дождь, дождь... Он выдергивает из души питательную основу, суть. Распадающееся близкое прошлое утихает безвозвратно, обнажив безобразное естество текущего момента.

Внезапно возникший сквозняк распахивает настежь мое окно. Фиалки на письменном столе дрожат, пригнувшись от раскатов торжествующего грома, обратив на меня лиловые лики наивной растерянности. Я не знаю, что произнести им в ответ. Маленький заколдованный мир моего бытия молчит.

Дождь, дождь... Поскорее бы Господь перевернул эту страницу...»

Часть II

Гвозди, разбросанные по полу

1921 год. Ростов-на-Дону

С приближением ночи Шурка напрочь терял желание уснуть. Комната погружалась в темноту, и предметы, населявшие её, приобретали искажённые, мистические очертания. Цветочный горшок на окне становился женской головой с беспорядочно торчащими из неё прядями волос – длинными, острыми листьями. Старые напольные часы в углу медленно превращались в хмурого, злого монаха – голова его была покрыта чёрным капюшоном, а руки сложены на груди. Шурка представлял себе, как стучит сердце этого таинственного немого старца: тик-так, тик-так. Ему казалось, что ещё немного, ещё чуть-чуть, и монах начнёт двигаться в направлении его кровати, обязательно сделает шаг, и тогда...

Фантазиям не было конца. Сочинялись чаще всего истории добрые, сказочные по своему содержанию, но особое место занимали истории драматические, страшные. Они были наиболее длинны и интересны.

Иногда, полностью накрывшись тёплым одеялом, Шурка крепко зажимал глаза. Тогда, ничего не наблюдая перед собой, он начинал прислушиваться к разнообразным ночным звукам, имеющим свою, абсолютно ни на что не похожую интонацию. Вот – скрипнула половица под ногой матери. Вот – кажется, что очень громко, за дверью своего кабинета, закашлял отец. А это – это за окном, пересчитывая подкованными копытами округлые камушки мостовой, прошли лошади: «Лошади, наверное, наши, «красные». Патруль. А что, если нет? Что, если Врангель вошёл в город, или Деникин снова? Нет, нет, пустое. Тогда бы, как обычно, кричали и стреляли повсюду...».

По приезду в Ростов распоряжением товарища Ворошилова семья Меерхольц разместилась на Большой Садовой, на втором этаже национализированного к тому времени доходного дома купца Генч-Оглуева. К трём комнатам, просторной гостиной и кабинету по служебному распорядку была прикреплена помощница по дому, скромная сорокалетняя Стеша, проживающая в том же доме на мансарде. К приятному удивлению Евгении Карловны, Стеша была начитанна, правильно разговаривала, вкусно готовила и аккуратно вела хозяйство. От вопросов личного характера она вежливо отстранялась, повторяя одну и ту же фразу: «Жизнь моя началась только в семнадцатом году. А что было ранее – не надобно мне помнить».

Шура долго привыкал к новому жилищу. Одна мысль, что здесь, в этом новом доме совсем недавно, может быть ещё несколько месяцев, а может и дней назад, жили другие люди – не давала ему покоя. В его суматошной голове люди эти своей большой семьёй по утрам усаживались за обеденным столом, пили чай с вареньем, ели масляные кружевные блины и громко смеялись. Дети с испачканными шоколадом щеками играли в прятки, дразнили друг друга и часто подбегали к матери, чтобы поцеловать. Глава семейства, вне сомнений, имел окладистую курчавую бороду, строгий взгляд и золотые часы на цепочке, свисающей петелькой из кармана красного плюшевого жилета. След от этих людей в доме остался для Шурки на всё время. Он думал об их жизни, пытался мысленно разговаривать с ними, проводя ладонью по оставленным в шкафах старинным книгам или дотрагиваясь пальцами до торчащих из стен гвоздей, когда-то предназначенных для больших и, конечно же, очень красивых картин...

Маму Шура любил – и не любил. Будучи совсем ещё ребёнком, он ни разу не задумывался об этом. Но в двенадцать лет эта нехорошая, смешанная со стыдом правда прочно заняла место в дальнем, укромном уголке души и часто не давала покоя. Шура воспринимал мать

как нечто ненастоящее, далёкое для понимания, а иногда – чужое для себя. Она вдруг начала жить в каком-то своём, принадлежащем только ей мире, который населяли толстые книжные романы, граммофонные пластинки и бесчисленное множество ненужных знакомств и связей. Материнская забота ограничивалась безмерной любовью и теплом только лишь к младшему брату Шуры, Лёвочке. Остальные же дети, включая четырёхлетнюю Тому, вниманием Евгении Карловны почти не пользовались, и всю заботу о них приняла на себя трудолюбивая и безотказная помощница Стеша. Дети редко слышали похвалу от матери, побаивались её, росли в резких замечаниях и нравоучениях. Шура видел, что за этим наблюдает отец, и догадывался, что ему это тоже не нравится. Но отец давно отказался от нареканий в сторону супруги. Учитывая её жёсткий нрав и тяжёлый характер, он предпочитал молчать. Возможности обронить грубое слово или же указать на выдуманные недостатки у Евгении хватало и без этого...

Каждый день Шура вспоминал бабушку Елизавету. При этом по его груди мгновенно растекалось необыкновенное тепло, а лицо расплывалось в улыбке. Сколько приятных моментов скопилось в детской памяти, сколько нежности и терпения отдала его детству бабушка!..

Когда Шурка узнал, что бабушка отказалась ехать с ними в Ростов, он совсем не расстроился. В том его восприятии происходящего не было места конечному, завершаемому, безвозвратно потерянному. Ему казалось, что в любой момент возможно всё легко изменить: захотеть – и вернуться в Саратов, отведать бабушкиных пирогов, почувствовать её горячую руку на своём затылке. Захотеть – и бабушка поездом скоро приедет к ним в Ростов погостить на недельку. И тогда, совсем как раньше, – она посадит к себе на колени маленькую глазастую Томочку, Ростикку велит, чтобы тот причесался, а отцу заметит, что похудел и курит слишком много.

Но всё сложилось совсем иначе. Однажды, с приездом брата отца, дяди Серёжи, дом Меерхольц наполнился тихими разговорами о страшном голоде в Поволжье. Взрослые закрыли двери в гостиную и долго обсуждали сложившееся в России положение, а также неутешительные вести из Саратова. После всего, тайком подслушанного, Шурка подбежал к моющей на кухне полы Стеше, схватился обеими руками за края её фартука и, крепко сомкнув губы, завыл. Он понял – бабушки Елизаветы больше нет...

Об этом трагическом событии в семье говорить было не принято – эта тема как-то незаметно оказалась под негласным запретом. То ли оттого, что родители между собой решили не наносить детям болезненных душевных травм, то ли от всеобщего подчинения власти матери, в анналах существования которой не было места мокрым от слёз носовым платкам. Шура не был рад такому положению вещей, скорее был даже обижен: за молчание – вместо тёплых воспоминаний, за неповешенный на стену портрет бабушки, за произнесённую поминальную молитву, за незажжённые в память о ней свечи...

В тёплое время года Шурка любил бегать к Дону. Там, оставшись абсолютно один, он мог часами бродить по мокрому берегу, гладить ладонями воду, наблюдать за рыбаками, покачивающимися на мягких волнах в маленьких чёрных лодках. Иногда он залезал в самую середину раскидистого ивового куста, торчащего совсем рядом с рекой, и подолгу сидел там, размышляя о чём-то или фантазируя. По штанам ползали муравьи, ржавый гвоздь царапал найденную на дороге палочку, а пробивающиеся сквозь густую листву солнечные лучи упрямо щекотали коротко стриженную голову. Это всё было для Шурки маленькой тайной, в которую он, пожалуй, мог бы взять только своего отца – романтического, доброго человека с грустными глазами и с неукротимым желанием восхищаться великолепием окружающего мира...

В тот год частым гостем в доме был дядя Серёжа, Сергей Петрович. Получив должность начальника Северо-Кавказской железной дороги, он много, по долгу службы, находился в Ростове и даже обзавёлся там женой, совсем ещё юной, весёлой и озорной. Тогда для знакомства с ней собралась вся семья...

– Ну, милочка, и как прикажете Вас величать? – Евгения, размахивая небольшим картонным веером, облокотилась на спинку стула и оценивающе оглядела прямое, темно-зелёное платье девушки.

Та – добродушно улыбнулась, игриво взглянула на Сергея, и протянула руку Александру Петровичу:

– Нина. Нина Шваб. Дочь генерал-майора Красной армии. Тоже, кстати, из поволжских, российских немцев. Мой отец, Антон Фридрихович...

Евгения вскинула брови и аккуратно, кончиками пальцев, поиграла алыми головками маков в стеклянной вазе:

– Значит, Нинель? Или может быть...

– Нет, нет, Нина. Просто Нина.

Маленькая Тома захохотала, запрыгала на месте и радостно захлопала в ладоши:

– Простонина, Простонина! Как прекрасно! Простонина! Какая замечательная тётя, правда, мамочка?

Все присутствующие в гостиной засмеялись, заговорили оживлённо, а Стеша начала накрывать на стол.

Шуре понравилось смотреть на Нину. Совсем не стесняясь, с необъяснимым удовольствием он разглядывал её лицо, обрезанные коротко густые каштановые волосы, острые приподнятые плечи и белые руки. Он никак не мог объяснить себе, красива она или нет. Он просто хотел на неё смотреть и видеть её как можно чаще. Заговорить с ней не получалось. Шурка не знал, что можно ей сказать, о чём спросить. В его голове не укладывалось, как эта озорная, смелая на шутки девчонка может приходиться женой дяде Серёже – такому взрослому, серьёзному мужчине, недавно отчаянно бившему белогвардейскую нечисть, а ныне занимающему важную, ответственную большевистскую должность.

В тот вечер, сидя за празднично накрытым столом рядом с Ниной, дядя Серёжа не сводил с неё глаз, часто обнимал, а после каждого выпитого бокала вина – целовал в ладошку. Шура понимал, что дядины взгляды на жену – особенные, необычные. Так смотрят только на очень близких женщин: решительно, с придыханием, краснея. И всякая непристойная ерунда проносилась у Шурки в голове – как отголоски того, что невозможно, но очень хотелось бы понимать об этом в те юные годы.

Нина без умолку тараторила, и много внимания её было обращено на Александра Петровича:

– Муж мне много рассказывал о Вас. Вы хорошо рисуете, Вы немного поэт и очень интересный человек! Я очень люблю поэзию! Я понимаю её как никто другой, поверьте! Что Вы сейчас читаете? Вы читали Блока? Ах, я обожаю Блока! Ах, как изысканно он воспринимает любовь, страдания, смерть – потрясающе! А Вы видели когда-нибудь его фотографическую карточку? Ах, что за лицо! Что за мужчина! А не могли бы Вы нам сейчас почитать свои стихи, Александр? Я страсть как желаю слушать их в этот вечер!

Евгению это явно забавляло, она фыркнула и похлопала белоснежной салфеткой по спине сидящего рядом мужа:

– Читайте же нам, наш поэт Александр! Ну, читайте же скорее! Что Вы медлите?

Александр на минуту застыл, затем отодвинул тарелку и закурил, не поднимая головы:

– Нет, пожалуй, не сегодня. Да я, собственно, наизусть ничего из своего не помню. Не сегодня, простите.

Глаза у Шурки намокли. Желание ударить мать возникло одновременно со страхом и презрением к самому себе. Неожиданно для окружающих он встал на стул и крепко сжал кулаки:

– Я знаю несколько сочинений отца!.. Да перестаньте же жевать! Слушайте!

Шурка медленно, тщательно проговаривая каждое слово, начал читать:

Исчезли листья, лес уснул,
Спит муравейник под сосною,
Ручей покрылся сединою,
Когда холодный ветер дул,
Когда с рассвета до звезды
По пашням снегом засыпало,
И солнце вечное дремало,
И конь не правил борозды.
Зима по всей святой земле,
На много долгих дней и мыслей,
И на устах собьются числа,
Не дав покоя голове.
Березы голые дрожат,
Мир замер, полон нежной грусти.
Зима не каждого отпустит,
Надежно за руку держа...

Нина подбежала к Шурке, долго жала его руку, поправляла белый воротничок:

– Ах, как же талантливо! Ах, как же написано твоим отцом! – вернувшись за стол, она обвила руками шею мужа, поцеловала в щёку и, прикрыв глаза, прошептала:

– Восторг! Восторг! Нет, нет, несомненно, твой брат талантлив. Я обязательно расскажу об этом папочке.

Сергей Петрович покачал головой, поцокал языком, разлил по бокалам вино и обратился к Евгении:

– Нам всем в нынешнее время читать надобно труды Маркса, труды Ленина. А не забывать мозги сентиментальной шелухой, дабы не отвлекать своё пролетарское сознание от великих дел и предстоящих перед нами сложнейших задач. Святой долг каждого из нас сейчас – воплощать в жизнь, в нашу новую жизнь, великие идеи и принципы свершенной нами революции, оставаться верными борцами за свободы, за равенство и счастье нашего советского народа. Ещё не закончена война, ещё ползают по России белые недобитки. Голода много, нищеты, болезней. Тиф повсюду, холера людей косит. Насмотрелся я предостаточно, пока по фронтам вшей кормил...

Та, моментально покрасневшись, швырнула в него салфетку и неожиданно для всех перешла на крик:

– Вот только не надо об этом в моём доме! Не надо мне тут разбрызгивать свои комиссарские штучки! А то я быстро напомню тебе, Серёжа, на каком дерьме и на какой умопомрачительной грязной афере была замешана эта твоя святая революция!.. Россия! Меншевики, большевики, левые, правые, эсеры, белые, красные! Россия, с некоторых пор, под стать проститутке – ей за миску похлёбки то один мил, то другой. А то и со всеми умеет договориться, разом. Бей её по морде, лупи, пользуй, как девку срамную! Она беспринципной грязной шлюхой себя выказала, Серёжа, той, которая предаст тебя при первом же удобном случае! И вот тогда, в конце своего пролетарского пути, ты не единожды успеешь вспомнить известную нам всем историю о тридцати сребрениках. Тебе твои коммунисты даже места на кладбище не выделяют! Бес!

Александр Петрович аккуратно взял супругу под локоть:

– Женечка, душа моя...

– Menschen verlangen immer die Wahrheit, die gefällt ihnen aber so selten!⁶ С моей головой всё в порядке, драгоценный супруг! Нет повода для беспокойства! И что ты всё мне «Женечка» да «Женечка»? Произносишь это с таким печальным придыханием, будто я еще ребёнок или неизлечимо больна!

Шура приблизился к Нине, потянул её за руку и смело потащил за собой из гостиной:

– Пойдёмте, Ниночка, поиграем в прятки! Я Вас с Лёвой познакомлю, с Ростиком, пойдёмте! Они у нас очень уж скромные и при гостях из детской ни за какие коврижки не выйдут...

Оставив мужа в растерянности, Нина быстро исчезла. А Евгения, сделав глоток вина, незамедлительно отреагировала:

– Вот так-то Серёжа, увёл наш соплук жену молодую твою! А ты – кури, сиди носом в Марксе своём да почаще дома отсутствуй, по служебным делам!

Сергей Петрович рассмеялся, расстегнул на кителе две верхние пуговицы и поправил на носу чуть запотевшие очки:

– Ты, душа моя, пожалуй, единственная женщина, в которую я не смог бы выстрелить ни при каких обстоятельствах! Можешь расценивать это как комплимент!

Но Евгения, казалось, уже не обращала никакого внимания на слова Сергея. Она нахмурилась, чайной ложкой аккуратно отделила кусочек «штруделя» и направила прямой указательный палец в сторону двери:

– Не нравится мне эта дворняжка. Только напоказ – дурочка. А внутри-то...

Александр попытался возразить, но не успел произнести ни слова, как Евгения осекла его:

– И взгляд у неё мутный. Не нравится она мне – и всё тут. Закончим!

Карьера дяди Серёжи развивалась на удивление стремительно. В начале июня 1921 года Сергей Петрович срочно отбыл в Турцию, в Анкару, где в составе первой дипломатической миссии прослужил полномочным представителем Советской России около двух лет. За этот период он успешно наладил дипломатические и торгово-экономические отношения с правительством Великого Национального Собрания Турции. С главой Турецкого государства, Мустафой Кемалем, был подписан Договор о дружбе и братстве и проведены переговоры по пограничным вопросам в Закавказье...

С отъездом дяди Серёжи в доме Меерхольц воцарился покой – не стало шумных вечеринок, непременно заканчивающихся политическими спорами и скандалами. Раз в неделю, а то и чаще, в гости забегала беременная Нина. Она была до неузнаваемости грустна, обидчива и дурно выглядела. Не лестно отзываясь Евгении Карловне о своём муже, она, словно талисман, таскала в маленькой дамской сумочке его вонючие папиросы и много плакала.

В то лето Шура как-то особенно близко воспринимал отца. Выбегал встречать, заметив его в окно, возвращающегося из штаба уставшим и хмурым. Скучал, когда тот днями пропадал в ответственных поездках. А как-то раз, проникнув ночью в кабинет и увидев отца уснувшим в многочисленных бумагах письменного стола, Шура немедленно раздобыл мамин пуховый платок и бережно прикрыл им его спину.

Какова же была радость, когда отец внезапно захворал! Солнечным, августовским утром, не отойдя ещё толком от тёплого безмятежного сна, Шурка услышал разговор отца со своим адъютантом:

– Милейший, не посчитай за труд сообщить в штаб – худо мне что-то сегодня. Надо бы вылежаться...

⁶ Люди всегда требуют правды, но она редко приходится им по вкусу.

Шурка ликовал! В кои-то веки отец сможет остаться дома на весь день, да может и не на один! Шурка будет играть с ним в шахматы, рисовать, говорить на немецком, а ещё с важным видом примерять его португезию и высокие, начищенные до блеска офицерские сапоги! Мама срочно обяжет Нину или Стешу принести малиновое варенье, и они все вместе будут лечить, лечить, лечить и заботиться о нём. Как же захотелось Шуре о нём заботиться!

Отец лежал в своём кабинете, на диване. Лицо его было бледным, а глаза слезились. Вытирая полотенцем со лба холодный пот, он натянуто улыбался, часто требовал пить и просил Шурку вслух, с выражением читать ему.

Вечером же, не дождавшись окончания ужина детей, Александр Петрович, не вставая из постели, настойчиво, чуть хриплым, сильным голосом подозвал Шурку к себе. Сын с радостью выскочил из-за стола и послушно уселся возле отца.

– Вот что, птица моя, хочу сообщить тебе, как старшему сыну, что книгу я потерял, очень важную книгу, и оттого опечален сильно.

Шурка вытаращил большие голубые глаза и от неожиданности услышанного быстро закрыл ладонью свой рот.

– Рыба моя, ты обязан знать, в чём тут дело. В каждой немецкой семье есть особая, толстая-претолстая книга. Называется она – «Штаммбук». В ней содержится всё, сын. И о ныне живущих, и о прадедах и дальних предках, а иногда и про тех, от кого фамилия началась, от кого род пошёл, понимаешь? И у нас такая книга была.

– И про меня в ней было написано?

– И про тебя, конечно, и даже про нашу маленькую куклу-Томочку. Кто и когда в семьях рождался, когда и кем крещён был, когда и с кем венчан. Так вот, матушка ваша, когда из Саратова с вами выезжала, книги этой в доме не нашла. Исчезла книга, будто черти надсмеялись! Знать бы всё, как и что получится, продумать бы всё правильно вовремя – так мне её давно нужно было догадаться спрятать. В тайник что ли какой положить или ещё куда. А ты бы вырос и как старший распорядился ей, как счёл бы нужным.

Шурка почесал затылок и в недоумении сморщил широкий лоб:

– Я? Я бы распорядился? Разве книгой можно распоряжаться? Что за секретность такая, папа?

– А секретность в той книге такая, что родовые корни там твои прописаны, солнце моё, и через знания эти жизнь можно новую начать, совсем иную, такую, о которой ты даже мечтать сейчас не умеешь...

Шурка задумался. А отец, с трудом перевернувшись со спины на бок, закрыл глаза, тяжело задышал, засопел и тихонечко прошептал:

– Ты найди её, книгу эту. Обязательно найди, душа моя. Я верю, что ты найдёшь...

Утром следующего дня в доме появился доктор – уставший, казалось, безразличный и раздражительный от любого слова Евгении. Быстро осмотрев комнату, присев на край дивана, он тронул влажный лоб Александра Петровича, приложил пальцы к левому запястью, прощупал живот. Не задав ни единого вопроса больному, он извлёк из старого кофра блокнот, карандаш и неприятным, скрипучим голосом начал бормотать себе под нос:

– ...пульс слабый, частый. Температура тела снижена. Одышка. Значительная слабость и неукротимая жажда. Живот болезненный. Многократная рвота, свободное истечение кишечной воды...

Евгения тронула доктора за плечо:

– Да объясните же хоть что-то! К вечеру стал совсем плохой, не спал, охал, корчился от живота! Сейчас сознание его явно расстроено – он не отвечает мне и, кажется, даже не узнаёт!

Доктор закончил записывать и обернулся на Евгению. Та имела растерянный вид, прижимала к груди голубой кружевной платочек и тихо поскуливала.

– Вы молодая красивая женщина. Вы должны взять себя в руки. Должны беречь себя для детей. У Вашего мужа холера. Форма болезни тяжёлая, скоротечная. Вы должны готовиться к печальному исходу...

Долгий, мучительный день Евгения не отходила от Александра, брала за руку, целовала, молилась. Он окончательно ослаб, перестал требовать питьё, редко открывал глаза. Его измождённое тяжким недугом тело пронизывали сильнейшие судороги. Лицо приобрело серый оттенок, вокруг глаз появились тёмные круги.

Меерхольц уходил... Уходил быстро, страшно, совсем внезапно погрузившись в неимоверные страдания и выжигающую плоть адскую боль.

Поздним вечером, обтирая тело мужа влажным полотенцем, Евгения слышала его еле различимые слова:

– Тяжело кончаюсь. Бросаю тебя, Женечка. Прости уж... А, вот и матушка моя у дверей стоит...

Евгения вздрогнула. Ей привиделось, будто над её головой, взявшись ниоткуда, взмахнуло большое чёрное крыло. Обдав спину холодом, оно напугало и тут же исчезло, растворилось...

Той ночью Шурка был беспокоен. Закутавшись в одеяло, съёжившись, он сидел на своей кровати и смотрел в тёмное окно. Он пытался понять, осмыслить, какие перемены грядут в его жизни. Он чувствовал, что теряет отца, но абсолютно не знал, что с этим делать и как придётся теперь к этому относиться. Десятки раз в голове мальчика появлялись картины из недалёкого прошлого: шумные дачные посиделки... смеющиеся родители на качелях... Вспомнилось, как с отцом и с их конюхом Максимовым купали на Волге Куманька – норовистого пегого коня, и как в семнадцатом году их лошадей с хутора уводили пьяные красноармейцы. Вспомнились саратовские занятия на фортепиано:

– До, ми, со-оль. Соль, фа, ми, ре, до-о...

– Мама, я устал. Можем ли мы сделать перерыв? Мне ещё необходимо успеть осилить две задачки по арифметике.

– С чего же ты Шура устал? Никак баржу с углём разгружал весь день? Держи руку на инструменте правильно, кисть не заваливай, локоть немного от себя, вот так...

Вспомнилась прогулка с Ростиком вдоль берега Гуселки:

– У тебя есть секрет, Шурка?

– Кажется, нет.

– А у меня есть! Я закопал под яблоней мамино любимое кольцо! Когда она подумает, что потеряла его, и расстроится – я ей его верну. Скажу, что отыскал пропажу! Вот уж тогда она обрадуется! Вот уж тогда похвалит меня, а может быть даже и поцелует!

На рассвете, когда часы уже пробили четыре раза, Шурка слышал долгий, пронзительный крик матери. Освободившись от одеяла, босиком, он ворвался в кабинет отца и замер. Шурка застал отца уже бездыханным. Сидевшая на полу у его изголовья мать, устремив широко раскрытые глаза в потолок, ревела раненным зверем, беспорядочно вскидывала руки и всем телом тряслась. Совсем скоро прибежала Стеша, перекрестилась три раза и поспешно закрыла покойника белой простынёй. Шурка знал, что в такие минуты положено бы заплакать, но не смог. Ему стало безумно жаль свою мать, ещё вчера – сильную, холодную, а ныне же, волей страшного обстоятельства, оказавшуюся сломленной и разбитой невыносимым горем женщину. Он с большим трудом поднял её с пола и усадил на стул:

– Не смейте так, мама! Не смейте! Мы же немцы, мама, мы сильные, Вы же так сами всегда нас учили.

Шурка сразу же подумал о том, что говорит не те слова, не то делает и не может в полной мере оценить, что происходит. За спиной будто с неистовой силой захлопнули неведомую

дверь, за которой остались живые, яркие воспоминания о замечательном светлом человеке, отце – его голос, улыбка, его добрый, любящий взгляд моментально утонули в щемящей сердце печали и стали называться словом «память». Никогда уже теперь. Никогда...

Следующие несколько дней пронеслись сквозь Шурку словно тревожные, страшные сны, выходящие за грани привычной реальности, угнетающие и корёжащие душу мрачной, непреодолимой данностью. В доме замелькали чёрные одежды, исчезли отражения зеркал, поселился запах церковного воска и ладана...

Многочисленная похоронная процессия по Большой Садовой до Братского кладбища – это были основной своей частью незнакомые для Шурки люди. И сослуживцы отца, и посторонние, сочувствующие, из горожан – все непременно старались приблизиться к Евгении Карловне, поддержать за руку, выразить слова соболезнований. Две белые лошади, уныло тянущие большую телегу с закрытым гробом, недовольно ржали и размахивали хвостами, отгоняя надоедливых мух. Сопровождающие гроб конные красноармейцы старались прижимать беспорядочную толпу с проезжей части ближе к тротуару, дабы не создать помех для движения трамваев и авто.

Для занесения сего траурного момента в историю РСФСР штабом Северо-Кавказского военного округа на церемонию был приглашён фотограф...

Всепроникающее палящее солнце, ни ветерка вокруг, и только цок-цок-цок лошади по булыжной мостовой, да тяжёлый, страшно подпрыгивающий красный гроб на телеге...

Шурка и Ростик держали мать под руки, самостоятельно передвигаться ей было не под силу. Евгения не плакала, не разговаривала и, видимо, никого перед собой не различала глазами.

«Верю в тебя самозабвенно и нерушимо!» – звучали внутри Шурки слова улыбающегося отца. Нестерпимо хотелось воды. Холодной. Много.

Как нарочно, Шурка чуть не потерял пуговицу. Она повисла на длинной ниточке, и было непонятно, как лучше поступить – оторвать её от рубашки совсем или же попытаться закрепить узелком. Не найдя нужного решения, Шурка закрыл пуговицу в дрожащем кулаке и прижал к груди. «Верю в тебя! Верю!» – пронеслось в его горячей голове. С первыми ударами чёрных комьев земли о крышку гроба пуговица была оторвана и почему-то отправлена за щеку...

1923 год, лето

Из дневника Шуры Меерхольца:

«Второе июля 1923 года. Ростовский железнодорожный вокзал. Наконец-то подали московский поезд. На нашем вагоне крупные буквы «Р.С.Ф.С.Р.». Вагон старый, мрачный, внутри грязно. Проводник в ветхом, оборванном кителе предлагал маме купить газет. Белья для постелей не дали. Высокий, тучный военный с сердитым лицом зачем-то пересмотрел все имеющиеся у нас документы. На бархатной петличке – три важные буквы: «Г.П.У». Минут через двадцать тронулись. Мама раздала нам по холодной варёной картофелине и яйцу, приготовленному вкрутую. Вспоминаю, что прежде с волнением представлял себе дорогу в Москву. Оказалось, всё просто, обычно. Дверь в наше купе никак невозможно закрыть, всюду папиросный дым, кашель, звон стаканов и громкая речь. Тома с Лёвой устали и, обнявшись, уснули. Темнеет. Гляжу в окно и думаю, что, видимо, скоро перестану различать бесконечные

поля, рощи, полустанки. Пили с мамой и с Ростиком молоко, ели чёрный хлеб, решили затушить свечу...»

Утро пришло солнечным. Поезд двигался медленно, потом надолго встал на станции под Царицыным – было время выйти из него и погулять. Шурку забавляли перемещающиеся толпы любопытствующих, слоняющихся без дела крестьян. Внимательно, с интересом они рассматривали его с ног до головы, а он, замечая это, важно поправлял картуз или, держа руки в оттопыренных карманах широких холщовых брюк, подмигивал раскрасневшимся пышным барышням. Бросались в глаза многочисленные пестрые ларьки со всяким продовольственным товаром: пряники, баранки, сыр, сметана. И конечно, вокруг, в руках, в стаканах, в кульках, – семечки, семечки, семечки без конца...

К полудню следующего дня Евгения Карловна Меерхольц с белым шпичем Кадошкой на руках, окружённая детьми, чемоданами и объёмными тюками, стояла на перроне московского вокзала и громко звала носильщика. Когда взяли извозчика и погрузились, Шурка впервые от матери услышал незнакомые ранее странные слова: «Сретенка» и «Сухаревка».

Ехали быстро, с ветерком! Дети смеялись и глазели по сторонам. Вот она какая, Москва! Крепко сжимая ладонями раздутый мамин ридикюль, Ростислав удивлённо вскидывал брови, приподнимался с места и восторженно выкрикивал прочитанные надписи уличных вывесок: «Клуб-ресторан «Калоша», обед из двух блюд 75 копеек», «Вино, наливки, пиво, ежедневно до 2-х часов ночи», «Еврейская столовая, открыт второй зал, полная гарантия свежих продуктов. Гигиеничные завтраки с 9-ти утра», «Есть бильярды и крупные раки». После возгласа: «Доктор Даниил Германович Гиссер. Венерические болезни: сифилис, триппер», он получил от матери тяжёлый подзатыльник и затих...

Большой Сухаревский переулок, дом пять. «Дом как дом», – подумал Шурка, – «Такой, трёхэтажный, каких сейчас немало в центре Москвы. Серый, важный. И граждане проходят мимо, по своим делам, не обращая на наш дом никакого внимания. Конечно, просто так, на пустом месте хлопоты Сергея Петровича о нашем переезде товарищ Ленин не поддержал бы. Уважают нашу семью, значит. Помнят и ценят папины и дядины заслуги перед советской родиной».

Квартира оказалась просторной, светлой. Евгения ознакомилась с комнатами и скинула чёрную шляпу. Длинное чёрное платье сменил ярко-красный шёлковый халат.

Поздним вечером с большим саквояжем, полным съестного, с примусом и яркой тряпичной куклой в подмышке появился улыбающийся дядя Серёжа. Еще с порога он торжественно заявил, что в Москве семья с фамилией Меерхольц – единственная, что больше по столице людей с такой фамилией нет. Шурка не понял, надо ли этим гордиться.

Для Шурки первое впечатление о Москве было не радостным. Неопрятные, грубые мужики-извозчики, немытые, мутные окна грязных улиц, много бедно одетых пешеходов. На каждом шагу трактиры, пивные, магазины – всё серое, захудалое, убогое. В пережитые тяжёлые годы в Москве было действительно не до порядка...

Но прошло совсем немного времени, и московская обстановка постепенно перестала угнетать Шурку. Каждый день, совершенно один, он выходил из стен своего нового жилища и с большой охотой, любопытством и удовольствием погружался в нескончаемые реки пыльных улиц, размышляя об увиденном.

Движение на улицах было лихое: шумные пролётки, рычащие казённые автомобили и, что поразительно, – много ломовиков: большущие, мощные лошади вереницами тянули тяжёлые, под завязку нагруженные товаром возы. Откуда они в Москве? Как уцелели в таком количестве в городской суете? Очень много появилось трамваев, и они-то как раз держались в образцовом порядке! Наскоро отремонтированные деревянные вагоны носили на своих боках яркие торжественные надписи: «Красный Октябрь», «1-ое мая 1923 года». Некоторые из них

были украшены не очень красивыми изображениями рабочих и крестьян, солидарно пожимающих друг другу руки. Плата за проезд установилась высокая, около десяти копеек золотом, но тем не менее трамваи всегда переполнялись желающими ехать.

Москву начали потихоньку ремонтировать. Латали мостовые, кое-где окрашивали старые дома. После нескольких предыдущих лет москвичи считали это серьёзным достижением. На одном из домов Кузнецкого Моста Шурке бросилась в глаза памятная доска, гласящая, что дом этот восстановлен собственными средствами в 1922 году московской конторой Госстроя.

Внимательно всматриваясь в окружающих, Шурка стал понимать, что народ ему попадается так же и интеллигентный: развёрнутая в трамвае газета, шляпа-котелок, тонкая трость. А вечерами у ресторации «Эрмитаж-оливье» или «Прага», к примеру, вращается публика большей частью на вид, можно сказать, даже богатая: дамы в роскошных мехах и бриллиантах, мужчины в европейских френчах и с дорогими сигарами.

Ни в одном городе Шурка не видел такого количества больших и маленьких магазинов! И торговали они довольно бойко. Хлеб, на удивление, свеж, вкусен, хоть и дешёв, да и остальное как будто вполне было доступно по ценам. Большое впечатление на Шурку произвела булочная Филиппова на Тверской. Чего там только не было! Хлеб чёрный, рижский, полубелый, ситный, с изюмом, баранки, калачи, двадцать сортов сухарей, пирожные!

Рядом с часовенкой Иверской Божьей Матери к обедне – всегда большое количество нищенствующих, калек и отвратительно убогих. Рваные грязные лапти, чёрные беззубые рты, протянутые к прохожим грязные руки. Внутри самой часовни – преклонив колени, постоянно несколько молящихся, несмотря на надпись на её стене «Религия – дурман для народа», а на доме напротив «Революция – вихрь, отбрасывающий назад всех, ему сопротивляющихся!». Тут же рядом – толпы крикливых торговцев. Торговали всем: от гвоздей, топоров и дров до биноклей с линзами Цейса. Торговали и по обыкновению заводили друг с другом резкие разговоры о религии:

– Вот в церквах попы учат, что Бог существует и что заботится он о нас бесконечно, как о малых детях своих единокровных. Вот надобно веровать и не забывать про это...

– Вот как погниёт всё добро на полях нонче в дождливое лето – тогда покумекаете, есть он, ваш ентот Бог, али нет его...

– Духи! Одеколон! Духи! «Оригон-Коти»! «Шипр-Коти»! «Кельк-Флер»! При помощи имеющейся специальной стеклянной пипетки почти задаром можно надушить свой шейный платок великолепными оригинальными французскими духами!

На улицах всегда полно городских. Правда, теперь они назывались по-новому, по-революционному – милиционеры. Стояли милиционеры на всех перекрёстках в новенькой красивой форме. Все молодые, бритые, вежливые.

Нередко Шурка встречал на улицах и небольшие отряды красноармейцев. Шли они человек по двадцать-двадцать пять, ровным строем и, как правило, с одной и той же громкой песней:

«Смело мы в бой пойдём
За власть советов.
И как один умрём
За дело это!»

В сравнении с ростовскими, московские красноармейцы выглядели очень хорошо. Улыбающиеся, подстриженные, опрятные, с до блеска начищенными винтовками. Однажды Шурка услышал, как одна немолодая дама вычурной, буржуазной внешности, поравнявшись с ними, неожиданно громко воскликнула:

– Спасибо уважаемому товарищу Троцкому! Это он этих сволочей подтянул! Теперь-то совсем не то, что было в семнадцатом году!..

И вот – улицы, с каждым проходящим шуркиным днём становящиеся роднее и роднее – Сретенка, Сухаревка. Куда ни взглянуть – множество людей! Шумели, волновались, покупали, продавали. Все было разграничено по особым правилам: здесь – биржа, там – торговые ряды, чуть дальше – мануфактура, табачный ряд, лавка готового платья, старый хлам и книги. Шурка всегда крепко держался за свои карманы, когда по необходимости приходилось протискиваться мимо «биржевиков», ушлых торгашей.

– Молодой человек! На ваш рост брюки есть! Подходите мерить! Подходите!

– Мужские шляпы, женские шляпы! Покупайте самые знаменитые на всей Сухаревке шляпы!

Взад и вперёд сновали шустрые мальчишки, разносящие напитки – в огромных стеклянных бутылках – красная, жёлтая или зелёная жидкость, в которой плавали кусочки льда и лимона. А вот – граммофонные пластинки, совсем такие, какие были у шуркиной мамы. Только Шаляпин, Собинов и Вертинский на них конкурировали теперь с речами Троцкого и Ленина.

Там, на Сухаревке, непременно у одного и того же торговца, Шурка покупал вкусное сливочное мороженое и шёл домой. Вечером, сидя в комнате у раскрытого настежь окна, уpletая принесённую мамой свежую клубнику, он вслушивался в доносящиеся с московских улиц звуки. Где-то рядом громко стучали каменщики, пел петух и кричали козы, которых в Москве почему-то называли советскими коровами. Какие-то бабы во дворе без умолка грубо спорили из-за дров, а дети к ночи затягивали жалостливую песню о борьбе героев-красноармейцев с белыми...

Жарким душным днём тридцатого августа того же года в больнице имени Боткина от тяжёлой скарлатины скончалась шестилетняя Тома...

1924 год. Москва

– ...Да ты мещанка до мозга костей, Женя! Вязаные салфеточки на комод, фарфоровые слоники, вазочки с ангелочками! Всё в твоём обиходе – поперёк нашего прогрессивного пролетарского строя! Лёва вон, гляди, весь в каких-то немыслимых кружевных воротничках и манжетах! Его же в школе наверняка дразнят! Парню десять лет исполнилось! Шурка с Ростиком хрен-то собачий оденут такое, взрослые уже! А Лёвку ты в кого превращаешь? – Сергей Петрович заметно злился. Он мерил комнату большими шагами, размахивал дымящейся папирсой и дёргал на узкой переносице очки.

Евгения Карловна пыталась оправдаться, но это ей удавалось с большим трудом:

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.